

Спаси нас, Господи, от всяких перемен!

семейная сага

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Елена Поддубская

Елена Поддубская

**Спаси нас, Господи,
от всяких перемен!**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Поддубская Е.

Спаси нас, Господи, от всяких перемен! / Е. Поддубская —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Действие романа происходит в стране, в которой меняется режим правления. Люди приспособливаются к новому существованию, зачастую поступая как выгодно, а вовсе не так, как предписано нормами морали или божьими законами. В результате всякое безумие получает своё возмездие. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПРОЛОГ	6
1	7
11	31
12	35
13	38
14	43
15	46
16	49
17	52
18	55
19	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Поддубская

Спаси нас, Господи, от всяких перемен!

ОТ АВТОРА

«Нет ничего случайного в том, что в этой книге я не называю страну, в которой живут герои и происходит действие, ибо описываемые события с одинаковой возможностью могли бы случиться, и вполне вероятно могут повториться, в тех государствах, что после многих лет существования в определённой политической конструкции вдруг, не от большого ума и при полной безответственности их правителей, решат ступить на путь новый, соблазнительный, а вместе с тем пагубный для духовности и даже жизни народов, проживающих там.

Любую схватку начинать было бы проще, если бы знать, что всегда побеждает разум»,
Е.В.

ПРОЛОГ

Июльское утро две тысячи четырнадцатого года началось для Василия Николаевича Красавцева звонком председателя городского суда. Служебная записка, недавно полученная последним, обращала внимание на ряд дел, фигуранты которых проживали в одном доме их города и погибли они один за другим либо до начала следствия, либо во время него. А так как психологически воздействовать на обвиняемых можно всяко, то под подозрение попадала вся цепочка следственной системы. Поэтому председатель суда позвонил в краевую прокуратуру и попросил соединить его с отделом по надзору за следствием и дознанием, которым заведовал Красавцев.

– Василий Николаевич, возьми-ка ты за пересмотр каждого дела в деталях. Проверь, что там с розыскной деятельностью, дознанием и следствием. – Судья говорил сухо и вежливо, но с той долей фамильярности, что допустима между представителями высокой власти: – Да, и обрати внимание на то, что по некоторым из квартир погибших заведены дела о махинации с недвижимостью и об ущемлении прав несовершеннолетних. Возможно, это ниточка, за которую стоит потянуть. Чёрные риелторы там, и всякое такое. Впрочем, что я тебя учу... Сам с усам. Действуй!

Красавцев, со студенческих лет привыкший стенографировать любой разговор, фиксировал каждую паузу начальника.

– Хорошо, Иван Иванович, – уверил он судью.

Отрапортовав своему начальству о срочном межведомственном поручении, следователь вышел из прокуратуры и направился к главной улице. Нужный райотдел полиции находился в двух кварталах. Пройти к нему можно было и иначе, но, как любой другой житель Южного – столицы края, Василий Николаевич гордился красивой и просторной Центральной и любил гулять по ней. Пользуясь утренней прохладой, мужчина закурил и пошёл не спеша, разглядывая прохожих. Навстречу попадались неторопливые бабушки с внуками, туристы, заполонившие центр, изредка подростки. Лёгкий июньский ветерок шевелил листья деревьев. Тяжёлые от пыли, они обвисали и скручивались; полученной за ночь влаги им явно не хватало. Воробьи и другие мелкие птички, что поселились там и жили в кронах, перелетали от дерева к дереву, предчувствуя ту летнюю истому, когда воздух к полудню наливается свинцом и тяжестью. Ещё час-два – и Центральная опустеет, «выгорит» от той летней жары, что плавит асфальт и заставляет любого, кто окажется снаружи после одиннадцати, искать тень вблизи фасадов.

Поравнявшись с высоткой, известной всему городу как «дом с ангеликами», Красавцев задержался взглядом на адресной табличке на торце с номером 55. И тут же сработала ассоциативная память: «Так вот же он, тот самый дом, в котором ещё недавно проживали все погибшие...».

Красавцев замедлил шаг. Несмотря на свою величавость, дом пугал. Отчего-то захотелось перекреститься. Василий Николаевич выбросил сигарету и ускорил шаг. И всю дорогу до следующего перекрёстка, на котором предстояло свернуть, он ощущал на спине неприятный холодок. словно кто-то мог смотреть ему вслед.

1

Стоял жаркий майский день две тысячи тринадцатого года. Таких дней на юге страны в это время года много, и все они настораживают: а что, если впереди снова безжалостная жара, как в две тысячи десятом, когда пекло пузырило асфальт, а скорые так и шпарили по закрытой для транспорта Центральной, доставляя в больницы пострадавших от обезвоживания?

Дом 55, построенный в форме «П», одной «ножкой буквы» выходил на улицу Центральную, второй – на Казачью. Последняя ещё не так давно носила имя прославленного руководителя революционного движения, но после демократизации страны и с приходом к основам власти казачества управа приняла модное решение о переименовании, и длинную, от края до края города улицу назвали Казачьей. Дом с балконами как чашечки французских бюстгальтеров «анжелика» спроектировали во времена, когда многие, воспользовавшись спущенной с тормозов свободой, сумели воплотить и не такие нелепые фантазии. В тысяча девятьсот восемьдесят девятом, когда дом сдавали, улица была малопроезжей, односторонней для транспорта и сравнительно тихой. Теперь же Казачья превратилась в трассу с незатихающим движением, раздолбанную на каждом сантиметре пути.

Днём тут были вечные пробки, чему немало способствовали расположенные на Казачьей учреждения, корнями из советских времён. В отсутствии паркингов нередко из-за «тачки», приткнутой к стоящим рядам «на минуту», чтобы заплатить в банке дорожный штраф или получить в статистическом управлении справку, проезд преграждался вовсе.

Покоя на улице не было и по ночам: удалые байкеры и молокососы за рулём крутых ино-марок приноровились соревноваться ночами в гонках со старта от торца дома с «анжеликами» до ближайшего перекрёстка. Населявшие высотку люди, всё больше знатные и культурные, реагировали на гонки и ссоры под окнами кто матом из окна, кто брошенной с балкона картошкой, кто беспомощными звонками в местное отделение полиции. Она на звонки не выезжала, так как безобразничали чаще всего сынки «слуг народа», с которых за нарушение общественного порядка даже взятки не возьмёшь. Чего тогда мотаться по ночам и тратить государственное горючее? А картофель и мат заканчивались под утро. Впрочем, как и энергия соревнующихся.

Сейчас под окнами высотки происходил очередной инцидент. Решив вписаться в пространство, куда не вошла бы даже детская коляска, хозяин жигулёнка встал поперёк пути. Гнев водителей и выкрики пешеходов, выраженные «исконно русским», быстро создали толпу – людям проще советовать там, где их интересы не затронуты.

Заслышав шум даже на последнем этаже дома, Настя Ухова осторожно выглянула через балконное окно. После ремонта балкон утеплили и убрали перегородку, отделяющую его от спальни, так что он, расширив комнату, стал её частью:

– Во дебилы, сейчас точно будут драться... – Двадцатипятилетняя красавица, с тонкой талией и длинной косой, как у барышень Тургенева, блеснула карими глазами: – Маша, иди, посмотри!

Запустив руку в короткую стрижку, её младшая сестра Мари «утонула» в компьютере. Хромосомы предков выстрелили обеим девушкам лишь в чрезмерно высокие лбы, форму глаз и тёмно-русые волосы. В остальном коренастая Мари была скорее антиподом сестры. Настя звала её «Машей» и даже «Марусей», а не как окрестили родители. Впрочем, на эту небрежность никто не обращал внимания. Мать девочек – Раиса, стройная и тонкокостная, что перепало старшей из дочерей, воспитывала детей, следуя трём принципам: «Всё, что ни делается, – к лучшему», «То, что впитано, – впитано» и «Претензии к жизни можно предъявлять только по материальным вопросам». Анатолий, муж, отец и потомственный носитель высокого лба и миндалевидных глаз, рассуждал ещё проще: «Насте так удобней».

Сцена за окном достигала апогея драматизма: водитель внедорожника, в бампер которого все-таки въехал «ас» на «Ладе», вытаскивал неудачника из кабины вручную. Настя снова позвала сестру.

– Больно охота! – отмахнулась та. – Лучше давай прикрепим сетку от комаров... – В двенадцать лет Мари уже всю увлекалась текстовым редактором Word и диспетчером для графических файлов Picture Manager Microsoft Office, освоенным недавно вместо «примитива» Paint. Перескочив из четвёртого класса обычной школы сразу в шестой частного колледжа, девочка вполне легко освоила те программы, не зная которые считалось среди учеников её классе непозволительным.

Глянув на Настю, увлечённую дракой внизу, Мари почесала толстый нос; мама снова будет недовольна. С приходом тепла комары долетали даже до шестнадцатого этажа. Анатолий заказал раму с сеткой заранее, ежедневно напоминая, что её надо вставить. Раиса, планируя сделать это каждое утро, спозаранку убегала на ближний Кооперативный рынок за свежими продуктами. По дороге она непременно заскакивала в любимые бутики – итальянский и французский. Приглаживая в примерочных чёрные волосы, тугие и длинные, и разглядывая свой яркий макияж, Раиса, млея, выслушивала уверения продавщиц в том, что её предки точно жили когда-то в одной из этих стран. Иначе откуда было взяться глазам цвета малахита на браслете, надетом на тонкое запястье? Не говоря уже о безупречном вкусе, с каким подбирала себе одежду эта женщина, стоящая на пороге пятидесятилетия. Воодушевлённая, Раиса выпархивала из магазинов, и, проходя по Центральной (показываться на других улицах, где публика и эстетика «не те», не имело смысла), часто ловила восхищённые взгляды. Дочери подражали матери как могли, а она, уверенная, что достигнуть схожести с ней невозможно, опекала их с любовью матери-наседки. «Ты не доверяешь им даже спускать воду в туалете», – упрекал Анатолий жену в самоуправстве, доходящем порой до абсурда. В доме всё держалось на воле, требованиях и планах Раисы. Мужчина, критикуя жену, мирно почивал у фонтана ее неиссякаемой энергии, Настя снимала с себя ответственность даже думать самой о малейшей проблеме, а Мари усыпляла бдительность матери убеждениями в послушании, ни у одного из домочадцев не было малейшего желания ссориться с родительницей. «Я так люблю тебя, мамочка», – прикивала Настя к материнскому плечу. «Мамулечка, ты у нас настоящая французенка», – подсовывала Мари обложку того или другого из многочисленных журналов мод с прикроватной тумбочки. Анатолий тоже знал, чем можно подсластить жизнь супруги-домохозяйки, и справлялся с этим довольно неплохо.

Итак, предстояло повесить сетку от комаров. Настя приложила рамку к проёму открытого окна и стала аккуратно вставлять её по периметру в приготовленный зазор. Мари сзади держала табурет, на котором стоит сестра. Рама вошла, но, подуей ветер чуть посильнее, она могла свалиться внутрь балкона. Необходимо было ее вбить.

– Держи крепче, – вздохнула Настя; любая работа была для неё наказанием. Постукивая по раме кулачком, она заметила внизу мать, идущую с кем-то под руку. Близоруко сощурившись, девушка пожалела, что отказалась от очков, рекомендованных офтальмологом ещё два года назад, посчитав их пугающим признаком угасания.

– Маша, посмотри, это мама? – Вопрос был специально завуалирован: маму-то Настя как раз узнала.

– И Киселёв, – подтвердила Мари, всмотревшись и нахмурившись: – Интересно, зачем это мама тащит твоего мужа к нам, если вы с ним в ссоре?

– Потому, что мужчину, зарабатывающего деньги, нужно кормить.

В ответе сестры проскользнула интонация матери. Мари вздохнула. Глянув на неё, Настя надула губы:

– Тебе что, жалко, если Миша съест тарелку крошки?

Мари всегда зверела от этой её капризной мимики. Схватив с постели, что была совсем рядом, подушку, девочка вдохнула запах матери. Редкие духи от Фрагонара Раисе привезли из Грасса на Лазурном берегу.

– Ничего мне на жаль. Лови! – девочка кинула подушку сестре.

Пытаясь её поймать, Настя потеряла равновесие. Её крик заставил Мари зажмуриться. Открыв глаза, девочка увидела сестру на полу. Её ноги были неестественно сложены. – Ох-ох, – проговорила Мари себе под нос. – Похоже, у тебя перелом, и теперь мама станет возить тебя в колясочке.

Улыбка молнией черкнула по лицу воющей Насти.

2

1989. Сентябрь

Дом с «анжеликами» строили почти десять лет, а заселили меньше чем за два месяца. Первые три подъезда уже отгуляли новоселье, в то время как в трёх последних всё ещё жужжали дрели строителей, и вход в них загораживал мусор отделочных работ. Семья Уховых вселилась в пятый подъезд в середине лета 1989 года. Раиса восторгалась прекрасной двухкомнатной квартирой, видом с балкона на сквер у дома и скоростью лифта. К удивлению новосёлов, его запустили в первый же день официального заселения.

Квартиры в этом престижном доме получали люди известные: профессора, ведущие врачи, воины-афганцы, знаменитые спортсмены-олимпийцы и даже один Герой Советского Союза. Уховы здесь оказались потому, что тот квартал в пригородном посёлке, где они жили раньше, пошёл под снос. А так как мэрия планировала строить там элитный микрорайон, на обещания не скупилась. Анатолию, заплатив взятку, удалось «выторговать» в райисполкоме квартиру на самой Центральной. Часто, приезжая в город по выходным и отслеживая, как движется строительство, Уховы представляли, где расположатся их окна и что из них будет видно: Оперный театр на Центральной, куда выходят окна первого подъезда или кинотеатр «Юг», что стоит напротив «верхней планки «П» по улице Сергиева? А лучше всего – скверик со стороны Казачьей; он просматривается из двух последних подъездов. Так и получилось – лучше всего. Отчего Раису не расстроил даже последний этаж. Их квартира была однозначно фантастической! Годовалая Настя, едва начавшая тогда ходить, весело топотала ножками по нешлифованному паркету. Остановившись на пороге балкона по крику: «Куда? Без мамы нельзя!», она улыбалась, а после предупреждения папы: «Унитаз – это жутко грязно», спешила шаловливо дёрнуть в туалете ручку. У бабки с дедом такого не было – у них вообще туалет плохо работал, отчего все, дети и взрослые, ходили во двор или в ведро. Родители Ухова и его младшая сестра, с которыми молодые тогда теснились в одном доме, получили двухкомнатную квартиру в доме из старого фонда и тоже неподалёку. Зайдя к свёкрам, Раиса отметила прекрасную кирпичную кладку, потолки в три с половиной метра и внутренний дворик закрытого типа.

– Отлично! – одобрила она потенциальное наследство мужа.

Через пару месяцев после заселения, прогуливаясь с дочерью по скверу под окнами, Ухова увидела на детской площадке девочку в красивой шляпке.

– Боже, какая прелесть! – воскликнула Раиса, разглядывая совершенство, связанное крючком, с большими полями и перехваченное лентой. Мама девочки улыбнулась в ответ:

– Здравствуйте! Ваша дочь тоже изумительна.

Извинившись за неловкость, Ухова представилась. Уже через несколько минут она знала, что Катя Иванова – её ровесница и соседка по дому из четвёртого подъезда, а дочь её зовут Вера. Катя была преподавателем родного языка и литературы в престижной школе. Её муж Егор работал в Горсовете. Квартиру в их доме Ивановы получили как молодые специалисты из столицы. О переезде на периферию Катя совсем не сожалела – своя трёхкомнатная квартира взамен съёмной однокомнатной и удобное расположение жилья относительно работы перевер-

шивали столичные престиж и значимость. А ещё женщину радовало насыщающее тепло юга. В столице в октябре всегда уже было сыро, пасмурно, нередко мог идти дождь со снегом, а в Южном в это время температура поднималась днём до двадцати градусов и постоянно светило солнце.

Ухова, в свою очередь, поделилась своей историей про квартиру и мужа, «неплохо зарабатывающего кандидата технических наук». Избегая расспросов о том, где трудится Анатолий, она пожаловалась, что дочь не хочет учиться ходить, и в год у неё всего четыре зубика. Маленькая Вера для двух с половиной лет прекрасно говорила и не могла устоять на месте.

– Не волнуйтесь вы так, Раиса, – улыбнулась Катя. Соседки сидели на лавках перед большой асфальтированной площадкой, в дальнем углу которой стояла карусель, – очень скоро ваша Настенька научится даже бегать. Это я вам говорю как педагог. А насчёт зубиков? Разве вы видели когда-то детей без зубов? Прорежутся. Зато поглядите, какая она у вас красавица уже сейчас!

Раиса согласно кивала и смотрела с благодарностью. Своя девочка казалась ей самой прекрасной, и то, что другие восхищались ею, льстило. Вот только не верилось ей, что Вера ходить начала в десять месяцев, хорошо говорить – с полутора лет, а теперь, в два с половиной, уже знала наизусть «Айболита» и «Бармалея». Заметив это сомнение, Катя подозвала дочь.

– Веруня, давай расскажем стишок. В Африке?..

– Акуы, – выпалила девочка.

– В Африке?

– Гоии.

– В Африке большие, злые?

– Клакадильчики, – маленькая проказница кокетливо улыбнулась. Довольная произведённым впечатлением, она убежала от хохочущих матери и новой тёти в сторону карусели.

– Ну какая же умница! – Раиса в восхищении заломила руки. Настя сидела в прогулочной коляске и, глядя на детей, нетерпеливо болтала ножками. Вот только мамино платье, красивое, чуть короткое и слишком прозрачное, было надето не для того, чтобы шагать за ребёнком, согнувшись в три погибели. Достав из сумки сушку, Ухова сунула её дочке. Девочка надула губки и нехотя взяла её.

– Вы бы пустили Настеньку постоять. Вот тут, у лавочки... – Катя протянула к девочке руки. – Хочешь побегать?

Настя тут же выбросила сушку и засучила ногами.

Не обращая внимания на мать, Катя вытащила девочку из коляски и поставила на асфальт перед собой.

– Вот так. Молодец! Если хочешь ходить – держись за лавочку. – Катя помогала чужому ребёнку передвигаться. – А на больших деток пока не смотри. Научишься хорошо ходить – пойдёшь с ними бегать. Да, Вера?..

Озорная пампушка Вера прибежала и протянула подружке руку:

– Давай сама...

Держась за лавочку, Настя пошла смелее. Раиса вздохнула; ей всегда было страшно, что дочь упадёт и разобьёт личико. Катя посмотрела на соседку с удивлением:

– Это вы зря. Чтобы научиться ходить, нужно ходить, а чтобы говорить – говорить. Вы разговариваете с дочерью?

– Как это?

– Что значит «как»? Вы объясняете Настеньке, что и как делать? Почему нужно надевать панамку или курточку? Зачем нужно есть овощное пюре?

Раиса в замешательстве смотрела то на детей, то на Катю, и снова на детей:

– Мне так трудно воспитывать Настю. Ведь нужно сразу думать обо всём: что поесть, что постирать, о режиме дня, и вот ещё стишки... А я совсем одна. У мужа, к сожалению, высокооплачиваемая трудная работа, и он мне не помощник. Мне так его не хватает. А вам?

– Мне тоже не хватает. Хотя он помогает, и у него, к сожалению, пока малооплачиваемая работа.

Женщины рассмеялись таким по-разному расставленным акцентам. Раиса стала накручивать локон на палец. Катя обмахивалась веером, вязанным крючком.

– А это? Вы это тоже успеваете делать? – Раиса прикоснулась к нему, как к реликвии. Две юные подружки успешно перебрались тем временем на четвёртую по счёту лавку. Вера добросовестно исполняла роль сопровождающей. Мама, сидящие на других лавках, встречали малышей доброжелательными улыбками. Раиса не сводила глаз с дочери, самостоятельно налаживающей свои первые контакты с окружающим миром.

– Я тоже буду воспитывать своего ребёнка! – решительно объявила она и призналась: – Господи, как же мне повезло, что я познакомилась с вами, Катя!

– Я тоже так думаю, Раиса. В смысле, что и мне повезло, – уточнила Иванова, избегая двусмысленности фразы.

Настя не удержалась и всё-таки села на попку. Раиса вскрикнула и вскочила. Катя удержала её лёгким жестом:

– Погодите, сейчас она сама встанет.

Но вместо того, чтобы встать, Настя продолжала сидеть на земле и испуганно смотреть в сторону матери. Вера, не сумев поднять её, тоже села рядом. Тут же к ним подбежали ещё девочка и мальчик и тоже уселись на тёплый асфальт. Взрослые захохотали. Раиса смотрела на дочь по-прежнему настороженно. Катя тихонько прикоснулась к её руке, привлекая внимание к себе:

– Вот видите, Раиса, всё нормально. Приходите каждый день гулять, и ваша Настенька постепенно всему здесь научится – и падать, и вставать. Коллектив – хорошая школа. Тем более что у нас тут и компания вон какая дружная. И живём мы в таком красивом месте...

Раиса медленно обвела взглядом сквер и их дом – белоснежный лайнер в центре города:

– Ну да, конечно...

С Казачьей раздался гудок машины, и Раиса вскочила с лавки.

– Приехал наш папа... Нам пора готовить ужин, – объяснила она Кате, усаживая Настю в коляску. Маленькая девочка скривила личико, готовая заплакать, но тут же замерла, увидев нахмуренные брови. – Нам пора кормить папу ужином, – настойчиво повторила мать. – Ты понимаешь это? Вон, смотри, кто там? – На тротуаре возле машины стоял темноволосый мужчина в солнцезащитных очках и призывно махал. Пиджак от дорогого костюма мужчина держал на руке. «Муж!» – в глазах Раисы проскользнуло обожание.

– Я тоже, пожалуй, пойду, – Катя стала собирать игрушки.

Кивнув на прощанье сразу всем, Ухова быстро покатила коляску из сквера, не дожидаясь соседки. Маленькая Настя сидела в ней, сжавшись комочком.

3

Анатолий был видным мужчиной двадцати восьми лет. Красивый, с волевым подбородком, он вполне мог бы сниматься в кино. Покручивая на пальце брелок от новенького «Мерседеса», Ухов едва заметно пристукивал ногой.

– Ты уже насовсем? – защебетала Раиса, приблизившись.

– Шо значит «насовсем»? Я шо, из тюрьмы вышел? – Родом южанин, мужчина разговаривал с местным акцентом. Подарочно подставив щеку под поцелуй, Анатолий сунул жене пиджак и наклонился к коляске: – Привет, мелкая! Ну, как ты?

Настя пискнула в ответ, засветилась, заколотила ножками по сиденью, потянулась вперёд, просясь на руки. Анатолий мускулистыми руками вытащил девочку и гордо выпрямился. Кроха тут же вцепилась обеими ручками в гриву темно-каштановых волос отца.

– Та не дрейфь, доча, не уроню, – заверил он, отцепив одну ручонку. Вторая осталась в шевелюре. Раиса засмеялась и покатила коляску с аккуратно уложенным туда пиджаком. Она торопилась рассказать про новое знакомство. Анатолий слушал жену вполуха. Это для жены важно то, какие люди живут в их доме, она кроме заводских и станичных никого в посёлке не видела, а он в жизни на всякий народ нагляделся.

Когда Катя нагнала супругов в арке дома, ближней к скверу, взгляд Анатолия лёг на её худые плечи той двенадцатикилограммовой гирей, что стояла в спальне Ивановых под кроватью. В двадцать пять лет учительница смотрелась неприглядным подростком: аскетичного телосложения, высокая и без малейших женских «приманок». Длинные тощие ноги и пальцы выглядели не изящными, как у Раисы, а скорее тщедушными, а высокий хвостик из светлых волос уныло касался шеи. Анатолий разжал челюсть в ответ на приветствие соседки исключительно чтобы не показаться невежей. «Бела, как таблетка аспирина... К тому же, судя по речи, из столицы», – он одобрительно глянул на жену: яркая южанка выглядела на фоне соседки завораживающе. В глазах мужчины блеснул огонёк, так хорошо известный Раисе. Она подтянулась, радуясь, что вряд ли ей придётся ревновать мужа к новой знакомой. Как всякая любящая женщина, она была ревнивой. Анатолий же, как любой умный мужчина, скрывал свои интрижки. Узнай о них Раиса, она спокойно могла бы превратить жизнь мужа в ад. Впрочем, семьёй Анатолий дорожил. А мимолётные связи – они ведь ни к чему не обязывают. Особенно если подходить к вопросу без особых пристрастий...

Ухов вернул дочь жене и стал поправлять помятую рубашку. В начале восьмидесят восьмого года, когда некогда влиятельный работник крайкома предложил ему работать вместе, Анатолий смотрел на проблемы окружающих его людей с сожалением и негодованием. Шла перестройка, страна менялась не к лучшему, её экономика рушилась, а уровень жизни тех людей, что составляют основу любого строя, быстро падал. Но после полутора лет «пахоты» под прикрытием партийного босса и при десятке задарма приватизированных производственных помещений из разорившихся, Анатолий оценивал окружающих исключительно по суммам иностранной валюты, что те имели. Новая соседка, вкупе с коляской, не тянула по прикиду даже на тысячу условных единиц в месяц, отчего была неинтересна. А когда она радостно указала на громилу, входящего в арку со стороны Центральной, и представила его как мужа, Анатолий лишь едва прищурил красивые глаза.

– Здорово, Егор! Я Анатолий. Ты чем по жизни промышляешь?

С некоторых пор, задавая подобные вопросы, Ухов не церемонился: интересы в общении могли возникнуть только тогда, когда человек представлял для него хоть какой-то интерес. Глядя на сильно потеющего «юриста при горсовете», одетого в мятые льняные брюки и в шлёпанцах, Анатолий едва сдержался, чтобы не сморщиться: «Кадровый сотрудник с месячным окладом в сто сорок монет по номиналу, и никаких перспектив». Козырнув в ответ соседу характеристикой «крупный бизнесмен», Ухов заторопил жену.

– Ну, зачем ты их так обрубил? – упрекнула Раиса в подъезде, доставая из почтового ящика «Аргументы и факты». – Всё-таки они оба с высшим образованием... – Закончив после школы только художественный техникум по специальности «живопись», к институтским дипломам она относилась с уважением.

– И шо мне теперь – расшаркиваться перед ними?.. – Анатолий уже пробежал глазами газету.

– Хоть бы о чём-то поговорил с ним! – В глазах женщины стояла обида. Ей муж соседки понравился: высокий, мощный, улыбочивый, как Катя. А дочь, радостно побежавшая навстречу, словно терялась в его крупных руках.

– Та на кой он мне нужен? Юрист... Детей мне с ним не крестить, – ответил Анатолий и пошёл к лифту.

– Да уж, дутьш, – кивнул Егор на тяжёлую дверь, скрывающую соседей из пятого подъезда: – Такой пробурит тебя и не заметит.

Катя близоруко глянула им вслед и рассеянно улынулась:

– Жаль. Раиса – очень милая женщина. А Настенька у них – просто прелесть. Ты заметил, какие у неё глазки?

Про глазки чужого ребёнка Егор пробурчал что-то неопределённое, а вот Раисе оценку дал самую положительную.

– Такой женщине не Цербер нужен, а... – Иванов вытащил из кармана штанов связку ключей и стал подниматься на крыльцо. – Пошли домой, моя дорогая. Детей нам с ними точно не крестить.

Ещё раз оглянувшись на закрытую дверь соседнего подъезда, Катя вздохнула. Новые времена меняли положение и нравы не в лучшую сторону – люди становились расчётливыми и непроницаемыми. Борьба с этим у таких, как Катя, не получалось.

4

2013. Май

Спецполиклиника для ветеранов Великой Отечественной войны была видна с балкона Уховых – сразу за сквериком. Миша и Раиса привезли туда травмированную Настю на такси. С самого начала демократизации страны стало ясно, что медицинское обслуживание не может быть одновременно и народным, и бесплатным. Заплатив нечто, похожее на годовую абонентскую плату, Ухов приписал семью к тому медицинскому учреждению, где качество обслуживания ещё хоть как-то и кто-то мог гарантировать. Понятно, что при постановке на учёт ему пришлось согласиться с уточнением главврача, что в случае чего обслуживать их, неконтингентных пациентов, будут по специальному тарифу. Теперь вот такое «в случае чего» случилось, и Анатолий по телефону одобрил названную сумму за «дополнительные услуги». Её озвучил Раисе всё тот же главврач. Дочь свою Анатолий любил, и на здоровье близких экономить не собирался.

После необходимого обследования, выполненного за стимулирующие наличные без всяких проволочек, выяснилось, что у девушки перелом лодыжки, травма колена с разрывами крестообразной связки и мениска, ушибы и раны на руках с вывихами обоих запястий и подвывихи пятого и шестого шейных позвонков. Когда через час Настю вывезли из процедурного кабинета на кресле-каталке, гипсовые повязки опоясывали её с головы до ног. Катя и Вера, столкнувшись с соседями в сквере, от ужаса синхронно прикрыли рты ладонями. Мари при виде сестры заплакала. Анатолий, вернувшись домой поздно вечером, выразился нецензурно:

– Не, это просто п..дец! Хороший ты мне, Настя, сделала подарок ко дню рождения! – в конце мая ему исполнялось пятьдесят два.

Мужчина прошёл к шкафу в большой комнате, вытащил оттуда начатую бутылку водки и налил себе рюмку. Сжав одной рукой область левой грудины, другой Ухов опрокинул спиртное в рот, и, снова матерясь, жестом дал понять, что все должны покинуть помещение. Катя и Вера, забежавшие узнать, не нужно ли какой помощи, поторопились уйти: в семье Ивановых никто и никогда не ругался вслух, тем более при детях. Раиса, закрывая за соседками тяжёлую дверь, стыдливо улынулась:

– Вы извините его. Это он от стресса.

Ругаться матом с момента смены власти стало делом обыденным. Страну кинули из развитого социализма, при котором брань осуждалась и пресекалась на любом уровне, в зародышевый беспринципный капитализм, где даже люди высокого государственного положения, и даже с общественной трибуны, не считали теперь зазорным свернуть в разговор скверное

словцо. По примеру руководителей страны народ тоже спустил родной разговорный со всех тормозов. И понёлся по стране мат во всех его формах и видах. Матерились изоощрённо, зло, целыми придуманными фразами, даже предложениями, в которых из литературного оставались только союзы и междометия. Порой эти выражения звучали так вычурно или нелепо, что для их понимания пришлось издавать фразеологические словари. Матерились мужчины, женщины, подростки и даже дети. Старики, прожившие всю жизнь в почитании языка, вторили молодёжи, изрыгая хулу на правителей, времена и события. Бранились все сословия и социальные прослойки. Богатые матерились особо яро, опровергая аксиому «чем хуже жизнь, тем ниже уровень интеллекта». Люди ругались, окладывая себя крестом и оправдывая мыслью, что если никому не стыдно за тот кошмар, в какой ввергли народ, то почему самому народу должно быть стыдно за слова, какими он характеризует наступившую беду.

Ухов, сын преподавателей вуза, хотя и сохранил в себе привычку читать бывший «правдинский» журнал «Огонёк» с критическими статьями Валентина Коротича и рыскать по книжным рынкам в поисках «Красного колеса» Александра Солженицына, лаялся как последний дворник. Почти двадцать лет в бизнесе наложили неизгладимый отпечаток не только на речь Анатолия – от былой мускулатуры осталась лишь мощная шея. Жир покрывал тело и лицо мужчины, разменявшего шестой десяток, ровным и толстым слоем. Неохватное пузо торчало из-под майки, натянутой поверх трикотажных просторных шортов. Некогда широкоскулое лицо по форме и цвету стало похожим на дыню. Глаза смотрели напряжённо, на их белках часто выступали красные прожилки, признаки высокого артериального давления. Верхние веки провисли, нижние набухли, отчего взгляд был как бы с прищуром.

Услышав, что входная дверь за гостями закрылась, Анатолий вышел из большой комнаты, которая вот уже двенадцать лет служила ему одновременно спальней, кабинетом и приёмной. Коротко глянув на дочерей, он прошагал на кухню, недовольно выкрикивая на ходу:

– Надо было продолжать заниматься теннисом! Люди из аварий выходят с наименьшими потерями, а тут – с табуретки свалилась! Рухлядь.

От грубости отца Настя втянула голову в ортопедический «хомут». Раиса, чтобы «замолчать» тему о теннисе, напомнила про окрошку.

С тех пор, как в 1998 году Анна Курникова показала, каким может быть заработок спортсмена, теннисом на территории развалившейся страны стали заниматься все, кто мог себе это позволить. Ухов, указывая на экран с блондинкой, «весившей» в свои шестнадцать уже не один миллион долларов, спросил у десятилетней Насти, хочет ли она заниматься теннисом. В ответ на её кивок без улыбки Анатолий сорвался с дивана и поволок ребёнка сначала в спортивный магазин, а затем в теннисную секцию при стадионе «Юг», где сам иногда бегал. Прикидывая на глаз финансовые возможности нового клиента, прикатившего на крутой «бээмвухе» и разодевшего своё чадо сплошь в фирму, тренер неохотно предложил девочке попробовать себя на корте. Но уже через год, вкусив прелести дополнительного заработка от индивидуальных занятий, обозначенных особой тарифной сеткой, тот же тренер уверял семейство Уховых в исключительных способностях Насти. Раиса, словно загипнотизированная, глядя на дочку, ростом едва выше ракетки, повторяла чужие слова с нескрываемым счастьем:

– Ах, как она держит удар!

– А реверс! Реверс ты видела? – Анатолий чесал едва появившееся тогда пузо и мурлыкал от удовольствия. После спешного бритья перед визитом на корт кожу на лице саднило, и мужчина досадливо морщился, промокая пот приложенными к лицу бумажными салфетками из сумки супруги. Людям, разбирающимся в спорте, даже издалека могли увидеть, что Насте не удаётся полностью разогнуть колени, да и дышит она тяжело. Однако передвигаться на корте на полусогнутых и выдыхать со стоном считалось нормой и выглядело завораживающе сексуально, отчего радостный папаша пожирал свою будущую звездочку глазами, полными обожания.

– А может, и мне на это подсесть? – Анатолий широко махал рукой, имитируя подачу с замахом гольфиста.

– Можно, – кивал тренер папаше, не отпуская тему про дочь. – Нужно работать с ней ежедневно. – Он делал страдальческое лицо, объясняя, что свободного времени у него, конечно же, нет. И тут же, заметив грусть родителей, добавлял уже вовсе патетично: – Но тут... такой талант, что я просто обязан. Просто обязан!

Оценив эти «обязательства» кругленькой месячной суммой, Уховы полностью поверили тренеру своё чадо, твёрдо веря в то, что вкладываемый капитал – это аванс, по которому сулят солидные дивиденды. Мнения девочки не спрашивали. Прикладной к делу философией служила фраза «Все чем-то заняты, и ты будешь заниматься». Школа, теннис, английский и информатика являлись тем «необходимым минимумом», что был определён обществом того времени для будущего жизненного успеха. И десятилетний ребёнок, запряжённый в телегу, повез на себе непосильный груз. От образа счастливой девочки осталась лишь туго заплетённая коса.

5

– Настенька, что это ты такая уставшая? – спросила Катя, встретив девочку в арке дома сразу после новогодних праздников нового, тысяча девятьсот девяносто девятого года. Она брела с тренировки с огромным баулом за плечами. Полнощёкая Вера, глядя на безрадостную подружку, с возмущением помотала головой:

– Мама, ей родичи продохнуть не дают. На твоём месте, Настя, я бы бросила все эти занятия.

– Ты что?! – Ухова съёжилась и подвинулась ближе к своему пятому подъезду – в арке сильно сквозило. – Меня сразу убьют...

– Боже мой, Настенька, ну что ты такое говоришь? Кто же тебя убьёт? Ведь родители в тебе души не чают. – Катя хотела подбодрить девочку, но та полоснула таким сухим взглядом, что педагог пожалела о сказанном. Вера обняла подружку:

– Не бойся, Настюха! Мама сейчас позвонит тётке Раисе и скажет, что ты у нас, – она оглянулась. Катя, маскируя смущение, улыбнулась:

– Конечно, пошли. Наконец-то будет повод и у твоей мамы зайти посмотреть, как мы сделали ремонт. А то ей всё некогда, всё куда-то торопится... А у нас дома рождественский пирог с яблоками.

Матери девочек периодически встречались в скверике или гуляли по закрытой в выходные Центральной, обменивались кулинарными рецептами, делились впечатлениями после отпуска. Дела у Ивановых медленно шли в гору. Катя продолжала работать учителем в той же школе рядом с домом. Она хоть и была ныне вовсе не престижной, но там сохранился дружный педагогический коллектив, и Катя была на хорошем счету. Здесь же училась Вера. А вот Егор, после того как горсовет переименовали в мэрию, ушёл оттуда и открыл с партнёром компанию «Юридическая консультация по делопроизводству». Специализировалась их фирма в вопросах трудового законодательства.

Занятая приготовлением ужина, Раиса отказалась от пирога, а Насте позволила остаться на часок, не забыв напомнить про диету.

– Сто лет не ела ничего вкуснее, – призналась девочка, уплетая выпечку. – Только маме не говорите, что я так много съела.

Катя, отрезая ей ещё пирога, похвалила:

– Молодец, Настенька. Ешь ещё. Аппетит – признак здоровья.

– Видишь, какая я здоровая, – Вера согнула руку и нажала себе на бугорок; в тринадцать лет она выглядела рослой. Девчонки захохотали.

– Доченька, давай я тебе тоже ещё положу, – сказала Катя.

Вера протянула матери тарелку и встала, чтобы подлить чаю. Настя посмотрела на Катю с обожанием:

– Тётя Катя, какая вы добрая! А меня мама никогда «доченькой» не зовёт.

Вера пролила заварку на скатерть. Катя спешно схватила бумажную салфетку, стала промокать.

– Ничего, доченька, ничего... – Ласковое слово было сказано в этот раз от растерянности, но прозвучало как насмешка. Катя осеклась.

– Ненавижу я всех этих великих спортсменов, манекенщиц, актёришек всяких, – вырвалось у Веры. – Понавыдумывают каких-то диет, стандартов, и всех под них подгоняют. Так и до истощения недалеко. Да, мама?

Ответив уклончиво, Катя сослалась на дела и оставила девочек на кухне одних. Вера стала спрашивать про родителей.

Заработав за первые пять лет чистыми три миллиона долларов, в дальнейшем Анатолий был вынужден отказаться от партнёрства под прикрытием: оборотистость и ненасытность «хозяина» могли довести и до тюрьмы. В середине девяносто третьего года Ухов ушёл на вольные хлеба, откупившись половиной заработанных денег от уже не коммуниста при бывших властях, а демократа при нынешних. Наслаждение свободой оказалось для Анатолия недолгим: для ведения дел нужны были не столько ум, сколько связи, а ему теперь вход в кабинет любого из высоких администраторов края был надёжно закрыт. Бывшие партийцы давно поделили рынок между собой и стояли горой за придуманные ими правила. Такие выжимки бизнеса, как Ухов, никому не были нужны.

Потеряв возможность летать два раза в год в Европу на шопинги, и три раза в сезон – на моря, первое время Раиса «держала спину», подбадривала мужа и откровенно гордилась его трудовыми успехами. Но после первого отпуска, проведённого даже не в Турции, а на Чёрном море, её терпение стало заканчиваться. Тогда на семейном совете постановили урезать расходы.

– Жрачка, сервисные услуги и теннис под лимит не попадают, – твёрдо определил Анатолий, прожёвывая бутерброд с филе палтуса горячего копчения. Возраст мужа тогда приближался к сорока годам, лицо его стало лосниться от тонкой, но уже стабильной прослойки жирка, под мощным подбородком провисла кожа, грудные мышцы набрякли, как у женщины. Но в целом Ухов держал форму и вёл достаточно активный образ жизни. Семейный холодильник ломился от деликатесов, и отказывать себе в удовольствии хорошо поесть никто из Уховых не собирался. Молча перенося чавканье и сопение мужа, Раиса размышляла – в её распоряжении оставался всё же широкий перечень возможностей. Понятие «сервисные услуги» включало обслуживание автомобиля, услуги парикмахера, косметолога, массажиста, телефонной связи, прачечной и уборщицы, шофёра для Раисы и преподавателя по английскому для Насти. Бровь женщина взметнула только по поводу тенниса:

– Может, обойдёмся без него?

– Как это – «без него»? Ты в своём уме? – Анатолий едва сдержался, чтобы не выматериться: жена была на третьем месяце, и приходилось с этим считаться. Вспомнив, как несколько месяцев назад Катя выразила сомнение по поводу того, что «Настя обожает теннис», Раиса попробовала разубедить мужа, осторожно и не отрывая его от палтуса:

– По-моему, Насте не очень комфортно на кортах.

Дочь, услышав это, припала к двери спальни и сжала кулачки: «Мама, защити меня!». Плакать или жаловаться Насте разрешалось только тогда, когда в Раисе просыпался материнский инстинкт. Такие периоды возникали во время беременностей женщины, задавшейся целью во что бы то ни стало родить Анатолию сына. Мужчина, на мгновение перестав жевать, посмотрел на жену взглядом тупым и упёртым. Раиса выдержала его, положив руку на пока ещё едва заметный живот.

– Даже меня уже от него тошнит... – она мечтала пустить выторгованную сумму на оборудование спальни для будущего малыша. Не так давно Уховы приобрели в центре города однокомнатную квартиру. Жильё для будущего наследника в старом жилом фонде требовало значительных вложений на ремонт, чем и объяснялся отпуск, проведённый в своих территориальных водах.

– Тебя тошнит от другого... – равнодушно указал Анатолий на живот; шестая попытка Раисы выносить ребёнка притупила в нём любые ожидания. В этот раз опять что-то шло не так с самого начала, и нужно было беречься, сохраняться, отказываться от солнца, лета, секса, что утомляло мужа больше, чем жену.

– И всё-таки Настя реально устала от твоего тенниса, – порой Раиса умела стоять на своём. Дочь в спальне закусила от волнения косу.

– Ничего, привыкнет, – решил Анатолий, дожевывая бутерброд и вытирая руки о кухонное полотенце. – Саня сказал, шо как только она начнёт выигрывать, у неё вспыхнет спортивный интерес. – Он как-то странно засмеялся и добавил: – Болезнь красных глаз – есть много, хочется ещё большего... Разве ты не знаешь, что люди завистливы и ненасытны от природы?

Раиса вздохнула, понимая, что Анатолий говорит уже о чём-то, их не касающемся. Забрав у мужа полотенце, она понюхала его и понесла в стирку. Разговор между родителями завершился не в пользу ребёнка. Настя сползла по двери. «Саней» теперь звали того самого тренера, к которому двумя годами ранее могли обращаться только по имени-отчеству. Прикорм в течение столь долгого периода устранил все формальности, и тренер теперь против «Сани» ничего не имел.

На этом проблема «тенниса» была закрыта. Решения в семье принимал Анатолий. Что думала по этому поводу жена, его мало волновало. Настю никто ни о чём не спрашивал. Девочка осталась в теннисной секции ещё на несколько лет. А та беременность Раисы тоже завершилась выкидышем.

6

Ивановы давно мечтали побывать в Барселоне. Катю привлекали архитектурно-исторические достопримечательности столицы Каталонии, Егору же не терпелось попытать счастья в игровых залах Коста Бравы. Было уже почти два года, как он пристрастился к играм. Сначала захаживал в магазинчик на пересечении улиц Казачьей и Мира, побрасывая монетки в «однорукого бандита». Потом, после двух крупных выигрышей, каждый примерно в сорок тысяч монет, решил попробовать себя в настоящем игровом зале. Чего-чего, а уж развлекательных учреждений подобного рода в Южном в перестройку хватало. Выиграв в первый раз в казино, открытом в одном крыле Оперного театра на Центральной, напротив их дома, Иванов поверил в счастливую карту и зачастил туда с опасной для семьи регулярностью. Скрывать своё расточительство мужчине удавалось без особых трудов: за расходы перед женой он никогда не отчитывался, зарплату приносил вовремя, на казино спускал побочно заработанное. А то, что вечерами возвращаться стал позже, так, во-первых, он мог сослаться на подработки (с развитием разных предприятий специальность юриста по производственным делам стала довольно востребованной), а во-вторых, у Кати тоже теперь были приработки от частных уроков. Вступая во взрослую жизнь, молодёжь отчётливо осознавала свою лингвистическую ограниченность, отчего на рубеже нового века, как-то вдруг и сразу, вырос интерес к частным урокам родного языка.

Поскольку Катя задерживалась на подработках допоздна, ей некогда было задавать мужу лишние вопросы. Вере же было вовсе неинтересно, где пропадает папа. В стране появилось так много развлечений, ранее недоступных! Чаще всего подростки собирались для просмотра фильмов, в том числе и запрещённых им по возрасту. Иногда ходили в кафе, чаще играли около дома в баскетбол. В бывшем детском скверике под окнами Уховых навсегда снесли беспри-

быльные карусели и построили спортивные площадки. На центральной аллее местные художники выставляли картины. Прогуливаясь там, Катя и Раиса осматривали обновлённый сквер и откровенно сожалели о былой жизни, когда при зарплате в сто советских рублей любой аттракцион стоил всего-то десять копеек. В начале 2001-го денежные знаки поменялись в стране уже дважды и оба раза не в пользу простых людей. Сожалея о былом, подруги вспоминали, как их дочки в детстве любили кататься на паровозике и каруселях. Вместе с примитивными развлечениями ушло из жизни что-то наивное, но такое доброе. Дети особенно остро чувствовали социальное неравенство – у одних было всего в избытке, другим не хватало элементарного.

Соседки остановились у одного из полотен со средиземноморским пейзажем.

– Так хочется в Испанию! Но нет денег, – призналась Катя.

– У нас тоже нет. Купили ему однокомнатную квартиру, – Раиса указала на округлившийся живот; очередная беременность на этот раз не особо её беспокоила. Женщины дошли до дальней части сквера. Единственную уцелевшую здесь детскую площадку кое-как отремонтировали, смазав скрипучие качели и наполнив песочницы, поставив горки и несколько турников, свежеекрашенных, но убогих. Ребятишки из бедных семей и этому были рады – носились группами, сражаясь за свободные места.

– Да, мало что им осталось в наследство... – вздохнула Раиса, морщась. «Всё-таки переkreпил её Анатолий под себя», – подумала Катя. По мере ухудшения дел Ухова презрение к бедным появилось и у его жены.

– А может, это и не так страшно, Раиса, если чего-то не хватает? Зато есть стимул. – Ухова, кивнув, поправила на себе дорожное платье и наспех вытерла нос тонко пахнущим, тоже недешёвым, носовым платком. Дорогостоящее изящество являлось для красивой брюнетки обязательной составляющей счастья. Иванова попробовала заговорить о Насте; её до сих пор мучили теннисом: – Детям общение нужно больше, чем подарки...

Раиса, кивнув на фонтан, заваленный мусором, сбила её с мысли:

– Пошли отсюда!

Вечерами на этих же лавках и качелях собирались маргинальные компании и творились страшные вещи.

– Не поверишь, я иногда ночью хочу выйти подышать на балкон и боюсь. Крики, стоны, ругань из сквера... – Раиса скривилась от ужаса.

– Да я сама в спальне форточку уже не открываю, – призналась Катя. Их с Егором спальня выходила окнами во внутренний двор дома, где в разбитом палисаднике стояло несколько лавочек. – Там такое творится! Сначала пьют вместе, потом девицы кричат, просят о помощи. Егор как-то позвонил в милицию, так потом одна из девиц нас же и обвинила. А недавно какому-то живот вспороли... Жуть даже днём! Первого сентября утром старшеклассники шли в школы в бантах и с цветами – гордость страны, любо-дорого поглядеть. А уже в три часа дня устроили под окнами массовую драку. И знаешь, что самое страшное? Дерутся ведь насмерть. И даже девчонки. Столько крови было! Милиция приехала через сорок минут после вызова, когда скорая уже увезла пострадавших.

– Да, что там говорить? Беда... Давно надо снести этот ваш палисадник.

– Всё не снесёшь, Раечка. Тут как-то по-другому действовать надо. Авторитет милиции поднимать, что ли... Не знаю. Понятно только одно: беспредел вокруг. Так хочется куда-то улететь и ничего этого не видеть, – рассуждая про беды страны, про несчастье в её доме Катя не ведала. Как-то апрельским вечером этого же две тысячи первого года Егор проиграл всю зарплату. Домой он шёл с пустыми карманами и желанием во всём признаться жене, но в арке встретил выходящего из подъезда Анатолия. Вид у него был страшный: глаза горели в бешенстве, с губ срывался отборный мат, ширинка штанов была застёгнута не до конца, тенниска сзади вылезла из-за пояса. На соседа Анатолий накинулся, как жаждущий на воду.

– О, Егор... Пошли ко мне в гараж: поговорить надо – край.

У Иванова у самого был край. Поняв по темному кухонному окну, что жены дома ещё нет, Егор согласно махнул головой.

Откупоривая пиво, купленное по дороге, Анатолий принялся жаловаться на то, что Раиса требует отвезти её рожать в Испанию. Ей было безразлично, что дела у мужа идут отвратительно. Политики душили конкурентов налогами так, что ему пришлось избавиться от купленных под сдачу складов и паркингов. Когда Ухов замолчал, Иванов неожиданно стал делиться своими проблемами.

– А знаешь, что, Егор, – вдруг предложил Анатолий, – давайте-ка приезжайте на месяц к нам в Барселону. За такой срок можно запросто отвыкнуть от любой привязанности. Я вон, помню, месяц не курил, так потом начинать не хотелось. Правда, все равно начал...

– В какую Барселону? Ты же сказал – денег нет, – Иванов даже дышать стал тише – представил, как обрадуется Катя; им так и не удалось до сих пор побывать за границей. Ухов потёр носком мокасины от «Хьюго Босса» железное перекрытие смотровой ямы, у которой они сидели за столиком. Тут же была прилажена этажерка для инструментов, но они валялись повсюду.

– С бабой мне, Егор, никак не сладить: с утра до ночи твердит: «Рожу испанца, рожу испанца» ... Дура. Что с неё взять? – Иванов согласно покивал, поднял с утопанной земли отвёртку, аккуратно положил на полку. Анатолий на такую аккуратность только рукой махнул – заботы у него были явно не те. – Всё равно придётся продавать однокомнатную. Врачи по УЗИ сказали – сын, – теперь Ухов говорил гордо и даже улыбался. Пиво начало потихоньку пробираться, и речь его полилась ровнее, без стрессовых ноток: – Так что дом под Барселоной я уже заказал. Да-да. А ты думал? – Увидев широко раскрывшиеся глаза соседа, Анатолий захохотал, довольный собой. – В Калейе. Деревня такая на побережье Коста Бравы. В доме два этажа, пять комнат, во всех кондиционеры; бассейн, терраса, а на ней есть вот такой мангал, – он очертил руками внушительный прямоугольник. – Ты мясо как, уважаешь? Молоток! Значит, по вечерам будем жарить. И под красное испанское вино, да? М-м-м...

Егору даже почудилось, что он слышит запах дыма и шипение жирной свинины на углях. Вокруг была расхлябанная весна: то дуло, то парило, то заливало, то потом пекло нещадно... «А на Средиземноморском побережье наверняка тёплый бриз, крики чаек, золотистый, обжигающий ноги песок, как показывают по телику...» – Егор пошевелил пальцами в туфлях и оттянул угол воротника рубашки.

– А море далеко от дома?

– Не-а, пешком двадцать минут. И прислуга задёшево: убирать там, харчи варить. Мы летим через месяц. Раисе рожать в середине июня, и месяц она там долежит, а вы к родам прилетайте. Заодно будет кому тут за Настей присмотреть.

– Как – за Настей? А ты её с собой не берёшь?

Анатолий помотал головой:

– Нет. Тренер так надолго её не отпустит. Короче, с деньгами я тебе помогу, а ты за дочерью последишь. А потом её с собой привезёте – пусть братику порадует.

Очень скоро Анатолий действительно принёс Егору тысячу долларов и билеты на самолёт. В стране все, кто мог, держали сбережения в иностранной валюте, доверия к которой было больше. Иванов отдал часть зелёных бумажек Кате, а часть припрятал; знающие люди рассказывали, что за границей в казино всегда в первый раз «прёт». Егор очень надеялся на крупный выигрыш, чтобы расплатиться со всеми долгами и навсегда завязать.

7

Вылетая в Барселону девятнадцатого июня, трое Ивановых из суеверия держали кулачки сомкнутыми. Настя, глядя на бледную Веру, успокаивала подругу, у которой этот полёт был первым, довольно своеобразно:

– Я вот моря боюсь. А самолёт – что? Если сломается, ничего не поймёшь и сразу бухнешься. – Заметив, что от таких слов Катя до белизны сжимает ручки сиденья, Настя расслабленно откидывалась на спинку кресла.

За месяц, что она жила у Ивановых и её берегли как хрупкую фарфоровую куклу, отчего-то созрела в девочке неприязнь к отношениям в чужой семье. Там всё было не так, как у них. Например, когда тётя Катя накладывала девочкам в тарелки оладьи или жареную картошку, она не прикусывала от досады губу и не стучала ложкой о край сковородки до звона в ушах. А мужчины, оказывается, тоже умеют пылесосить, мыть раковину в ванной, вешать бельё на верёвку и переживать за жену, когда у неё стреляет в пояснице. И жене не нужно прогибаться перед мужем, вымякивая деньги на дорогой крем. Ещё было странным, что итальянскими полусапожками со «стеклянными» голенищами из синтетики никто из Ивановых не «болел», а в прихожей Уховых на полке их стояло три пары – две маминых и одна её, двенадцатилетней девочки. И не нужно было бегать по всему дому в поисках куска салфетки, чтобы оттереть недельную грязь с того же итальянского сапога, а, не найдя её, плевать на палец, тереть, а потом нестись в кухню мыть руку; коробочки с ваксой и тряпки для чистки обуви лежали у Ивановых в аккуратно поставленном ящичке у входа.

Девочка злилась на соседей, потому что отношения в их семье заставляли её усомниться в том, что её родители – самые лучшие. «Но ведь это именно так, хотя бы потому, что это они пригласили Ивановых, а не наоборот! И, конечно же, они скучают по ней также сильно, как она по ним», – верила она.

Отец встретил дочь спешным «Привет!». Сообщая Егору, что жену уже увезли в частную клинику, где койко-место в сутки стоило, как месячная заработная плата половины персонала районного родильного дома в Южном, Ухов матерился, не сдерживаясь. В их городе за четверть того, что ему предстояло заплатить за роды в Испании, можно было купить не только врача-гинеколога, а даже его душу. Про расходы на перелёт, дом, питание и арендованную машину он вообще молчал.

– Да, мужик... Ты тут, смотрю, совсем покой потерял, – заметил Егор, когда Ухов резко дёрнул руль, не зная, куда свернуть. Анатолий, оправдываясь, показал на дорогу:

– Задолбали своими вывесками! Хоть бы где-то по-русски написали, – проворчал он через время, снова свернув не туда. Но уже когда вырулили из Барселоны на нужную трассу, улыбнулся: – Не, ну ты видел? Где по мировой экономике эта Испания, а дороги – масло на горячем тостере! И это мы ещё не во Франции. Там автобан хоть и платный, но зато – просто зашибись. А у нас за городскую черту выехать нельзя: колдоёбина на колдоёбине...

Последнее слово, видимо, уже не считалось грубым, поэтому произнёс его Ухов смачно, вразяжку, не отказывая себе в удовольствии. Настя на заднем сидении хихикнула. Вера посмотрела на отца, надеясь на замечание. Но Егор на сказанное даже не отреагировал: картинки из журналов проплывали мимо, как мираж. Очень хотелось выйти и потрогать руками толстые стволы пальм, посаженных зачем-то в странные кадучки. А ещё не терпелось выпить неразбавленной «сервезы», попробовать незамороженных креветок, поесть салата из помидоров, сладкого лука и прозрачно-зелёного, нежного базилика, залитых вязким бальзамическим соусом и оливковым маслом холодного отжима, тоже настоящим, а не с привкусом подсолнечника. Простые желания неизбалованного Иванова, почти уже ставшие реальностью, грели его изнутри.

Закинув Катю с девочками в дом, мужчины отправились на маленький местный базар. Егора удивляло всё: цены ниже их рыночных, русскоговорящие туристы, встречающиеся повсюду, приятная, негнетущая жара, неразборчивый говор испанцев, вернее, каталонцев. По поводу национального вопроса они с Анатодем, как стал Егор звать друга, проржались после первого же обращения к ним. Бородатый толстячок, продавший им мясистый сладкий перец, походил то ли на грузина, то ли на абхазца.

– А ещё про наших соседей говорят, что они разобраться в своих корнях не могут: да тут пол-Европы перепахано бывшим османским государством! Так что турки вы все, гражд~~ане~~, турки и есть, – разъяснил Ухов очередному торговцу. Испанец, не поняв ни слова, заулыбался и стал расхваливать свой товар.

– О, куплю Кате лавандового мыла! – Егор отсчитал мелочь и сунул в мгновенно протянутую руку.

– Зачем? – не понял Анатолий.

– Чтобы моли не было в шкафу. Ну, и для запаха.

– Зачем?

– Как – зачем? Представляешь, достаёшь зимой дома полотенце, а оно у тебя лавандой пахнет. И сразу вспоминаешь, как классно ты отдыхал летом в Калейе. – Мужчины уже тяпнули по бутылочке пивка. Анатолий задумчиво потёр щеку горлышком бутылки:

– Ну да... – на его трёх полках в шкафу лежали две пары джинсов, несколько маек, старые, уже узкие в плечах рубахи, обмотанные ненужными теперь галстуками, зимние свитера, ондатровая шапка, носить которую было не с чем, так как ходил он теперь в спортивной куртке и шапке-«петушке». Натягивая её, он видел в зеркале быка с хохолком. Но это было лучше, чем полуистлевшая меховая ушанка. В отдельный ящик шкафа жена складывала его носки и трусы. Мыла, да ещё лавандового, там точно не было.

С тех пор как Раиса задалась целью любой ценой родить второго ребёнка, про свои обязанности хозяйки она вспоминала только тогда, когда в шкафу заканчивалась чистая одежда, пыль под креслами начинала летать по всему залу, а в кухне орал голодный Анатолий. Для себя женщина не готовила. И от кухарки, бывшей у них когда-то, не могла отвыкнуть, и метаболизм, замедленный возрастом, вылезал на боках жировыми складками. В две тысячи первом Уховой было уже критических тридцать восемь лет, и после родов она планировала незамедлительно заняться диетами и спортом, не теряя времени на вскармливание будущего ребёнка грудью. Любые напоминания о необходимости готовить обед вызывали у беременной если не рвоту, то точно тошноту. Раисе, чтобы выжить, хватало то ложечки тёртого с сахаром фейхоа, то глотка соевого молока, то черенка от сельдерея. А вот Насте, растущему организму, чтобы заглушить голод, ничего не оставалось, как покупать на карманные деньги сладости или выпечку. В Испании без дочери Раиса терроризировала мужа, предлагая то диетический завтрак, то слишком легкий обед, а ужин зачастую и вовсе не готовила.

– Короче, достала она своими капризами. Быстрее бы уже родила, – признался Анатолий. За прошедший месяц он подурнел. Втихаря от Раисы он уходил из дома и лопал в городке без разбора шаурму, знаменитые хамон и тапасы – хлебцы, намазанные перетёртыми помидорами с чесноком или перетёртыми же авокадо и острым соусом табаско, паприкой и ещё какими-то приправами, и запивал их пивом или вином, запрещёнными супругой из-за калорий. Поскольку на супружеский секс был наложен запрет, мужчина, засматривался на раскрепощённых югом девиц и женщин всех национальностей.

В кармане шорт Анатолия завибрировал телефон.

– О! Кажись, началось! – нервно крикнул он, увидев номер на дисплее мобильного, и спешно сунул Егору пакеты с купленным.

Едва не заплутав в кривых испанских улочках, Иванов добрался до дома. Отдавая пакеты, он огляделся. Катя и девочки сидели на диване посреди хаоса вещей, разбросанных за месяц, и не знали, с чего начать обустройство. На кухне голосила весёлая кухарка – испанка каталонских кровей, вполне способная сойти за армянку с азербайджанскими корнями.

– Турки все вы, гражд~~ане~~, турки, – Егор почесал затылок. – И на фигу Райке после восьми выкидышей нужен был этот пацан? Не понимаю...

Жена подняла на него удивлённый взгляд.

– Откуда ты знаешь? Я тебе про это не говорила.

– При чём тут ты? Анатолий проболтался... – глядя на разбросанную одежду, коробки с бытовой химией, пакеты с приготовленными памперсами, пляжный надувной матрас, зонтик от солнца, ласты и прочее, Егор выглядел беспомощным. Друга он теперь звал только так, на заграничный манер. – Бедная Настя, – Иванов примерил маску для подводного плавания. Соседка безрадостно пожала плечами. Иметь братика девочке почему-то расхотелось. Зато запоздало захотелось почистить обувь губкой, пропитанной кремом, взятой в специально отведённой для этого коробочке. От бессилия Настя приникла к Кате.

– Пошли! Наша комната наверху, – Вера потянула её за руку. Настя подчинилась, подумав, что при случае можно будет уткнуться в плечо и подруге. Девчонок всегда соединяло нечто большее, чем обыкновенные добрососедские отношения.

8

Рождённым в тот день «мальчиком» оказалась Мари. Когда Анатолию сообщили про дочь, ему стало дурно:

– Как это – «чика»? У меня должен быть парень, чико, понимаешь? Чи-ко... Ухов орал на нянечку, улыбающуюся в ответ. Что-то объяснив счастливому отцу длинной фразой, в которой стояли и «чико», и «чика», и снова «чико», она пригласила Анатолия войти в палату к роженице. Раиса к этому времени уже вытирала лицо гигиенической салфеткой, а ребёнок лежал в розовых штанишках и маечке, предоставленных клиникой.

– Раиса, это шо? – мужчина посмотрел на сморщенное красное личико и сморщился сам. – Обещали парня, а это шо?

– Ты что – дебил? – женщина в выражениях не стеснялась. – Откуда я знаю, что там внутри сидело? Что получилось, то и получилось....

– Надо было в Южном рожать, – сказал Ухов, продолжая глядеть на дочь с неприязнью.

– Точно спятил. Да в твоём Южном нас уверяли, что будет сын. И что?

– И шо?

– И вот! Родилась Мари.

– Мари? Мари Антуанетт? – взгляд папаши завис, голова повернулась к жене. – Как королева? – Уховы давно полюбили историю про красивую, властную, гордую француженку. В подтверждение Раиса широко улыбнулась. Даже сразу после родов она была обворожительна и вызывала у мужа нестерпимое желание. – А шо? Нишо. Мари, – Анатолий задумчиво произнёс имя и кивнул: – Ладно, пусть будет дочь. – Он наконец-то ласково улыбнулся наряженному комочку и заагукал. Девочка, признав голос родителя, накуксилась. Раиса шикнула на мужа и сделала нянечке знак глазами выпроводить его.

Вечером, сидя на пляже с бутылкой водки, Анатолий и Егор обсуждали, где и как будут крестить девочку.

– В Красном соборе не надо. Только в Белом, Екатерининском.

– Остынь. В Свято-Троицком окрестим. Я там Веру крестил, когда переехали в Южный. Батюшка там – мужик что надо.

– А шо не раньше?

– Раньше... Раньше не могли. У нас тогда как пошла чёрная полоса, не передать: моя сестра с мужем погибли, родители больные, Вере годик, а мы с Катей – в столице. Пока узнали про беду, пока до Тюмени долетели, пока документы на удочерение подали... Замотались совсем. Потом переезд сюда, и тоже не легче – девочка от непривычного климата заболела гнойной ангиной. Кто-то сказал, что ребёнка нужно покрестить. А как крестить? Вера по отцу Голдберг, а я – Иванов. Хорошо, что батюшка Кирилл всё объяснил.

Впервые услышав эту историю, Ухов словно протрезвел:

– Не понял... Так Вера – не ваша дочь?

– Как это – не наша? Наша.

– А ты сказал...

Егор, опомнившись, оглянулся. На пляже неподалёку играли в футбол разогретые алкоголем негры, плевавшие на то, что мяч еле видно. Им до откровений русского мужика не было никакого дела, но Иванов шикнул:

– Да мало ли что я сказал? Своих нет, и уже не будет. Так что Катя Вере – мать, каких мало бывает. А мне она никакая не племянница, а тоже дочь. Понял?

Ухов стал засыпать себя песком; несмотря на сгустившиеся сумерки, они сидели на пляже в одних плавках. Песок был ещё тёплый. Анатолий грёб его широко, засыпая ноги полностью. Егор набирал в руку и выпускал тонкой стружкой, тупо глядя на неё.

– Ну ладно. Если ты знаешь, где лучше, туда и пойдём, – вернулся Анатолий к началу разговора.

– Ты про что?

– Про крестины, дядя! Будешь у Мари крёстным отцом.

– Буду, – пообещал Егор. И ни один из них не вспомнил, что когда-то именно от этого зарекался.

Через три дня после родов Раиса вернулась с малышкой домой. Прикрепив поверх ползунков огромную булавку от сглаза, она сторожила колыбельку, как апостол Пётр – ворота рая. Насте только раз дали посмотреть на сестру, после чего мать настрого запретила даже приближаться к их с ребёнком комнате. Старшую дочь Уховы полностью повесили на соседей. Ивановы, понимая обстоятельства, были не против, но, глядя, как Раиса и Анатолий кружат возле народившейся девочки, Егор то и дело повторял «бедная Настя». Жена запрещала ему говорить такое при ребёнке, хотя сама тоже откровенно переживала. Настоящей палочкой-выручалочкой для всех была Вера. Чтобы не слушать недовольный голос Раисы и отговорки Анатолия, Катя с девочками на целый день уходила на пляж. Там они натягивали палатку, перекусывали чем-то, взятым с собой в переносном холодильнике. Там же высыпались, отдыхая от плача малышки. Егор так долго на жаре не выдерживал – уходил домой. Ему ребёнок не мешал: если он хотел спать, мог уснуть даже под топот слонов. После сиесты он снова шёл на берег к своим, и уже вечером все вместе возвращались.

Анатолий за месяц на пляже был не более пяти раз: у Раисы вечно находились для него поручения. От искусственного питания у малышки появился сначала понос, потом сильная, до рвоты, отрыжка. Слава богу, пятая по счёту смесь оказалась более-менее приемлемой. Мари с удовольствием высасывала за раз сто граммов вместо восьмидесяти положенных, и уже через два часа снова требовала есть.

– Да уж, твоя дочь, сразу видно, – ворчала мать, укачивая девочку в колыбельке размахами, похожими на волны в десять баллов, – кроме как пожрать и покакать, ничего ей не интересно. – Она то и дело жаловалась Анатолию на усталость и недостаток сна.

– А какого... тогда ты её рожала? – однажды не вытерпел Ухов и тут же пожалел: Раиса на полдня залилась слезами, обвиняя мужа в чёрствости и нелюбви к детям. – Да пошла ты! – не выдержал мужчина подобной послеродовой депрессии, граничащей с психозом, ушёл из дома и где-то в одиночестве напился. Вечером он плакал на террасе, жалуясь Егору: – Достали бабы! Не могу с ними сладить...

– То ли ещё будет, – задумчиво пообещал Иванов, оглянувшись. За вторую дочь Раиса вытребовала у мужа бриллиантовый солитер.

Глядя на соседей, Иванов иногда думал, хватает ли его женщинам для выражения его чувств принесённых с рынка продуктов, купленных к празднику спиртного и десерта, цветов на дни рождения... Где и как одевались его женщины, Егор понятия не имел. Вера цепляла на себя что-то модное, типа легинсов с длинными рубашками мужского кроя, и непременно бижуту. Катя одевалась чаще в спортивном стиле и не носила украшений. На парикмахерские и косметические салоны жена и дочь, безусловно, деньги тратили, не ходит же заросшими, но

ногти лаком мазали себе точно сами. Катя, приближаясь к сорокалетию, стала стричь волосы коротко и с вихрастой чёлкой. Такая причёска её молодила, а очки, надетые ещё в девяностых, наоборот, придавали солидности. У Веры были шикарные длинные волосы, но распускала она их редко. Когда однажды, во время ланча на террасе, Раиса заявила, что по возвращении в Южный ей срочно нужно к персональному дизайнеру, Иванов так и не вспомнил, есть ли такой специалист в распоряжении его жены.

За весь отпуск Егор потратился только на продукты да на две поездки: в испанский Фигерас и во французский Каркассон. В музее Сальвадора Дали он откровенно зевал, а вот замок королевы-матери Людовика IX ему понравился. Особенно запомнились рассказы гида о мистических сказаниях, связанных с крепостью вокруг замка. Прохаживаясь по тихим узким улочкам цитадели, её мосту через Од, по площадям, трудно было представить, что когда-то тут шумел люд, распевали трубадуры и жизнь была ключом. Егор рассматривал постройки эпохи римлян, задира голову, разглядывая остроконечные колпачки башен, стучал по толстым камням стен и думал, как несправедлива природа, если вся эта архитектура служит истории, а его жизнь, отмерянная несколькими десятками лет, уже через поколение уйдёт в забвение. Ему вдруг стало жаль себя. Особенно в связи с тем, что деньги, отложенные на казино, всё ещё оставались не потрачены.

После поездки по Лангедоку женщинам было объявлено, что у них с Анатоном мужская вечеринка. Пока Егор проигрывал в Ллорете-дель-Мар деньги в карточном зале местного казино, Анатолий пошёл на испанскую дискотеку с российской атмосферой. Там, как уверяли русские из местных, всегда можно было найти соотечественниц, готовых «отвальсировать» Ухова за определённую плату.

Встретились соседи посреди ночи на стоянке, где оставили машину: оба с ветром в карманах и возбуждённые. О деньгах ни один не сожалел, зато жарко делились впечатлениями по дороге домой. Теперь мужчин связывала тайна, без которой отпуск не был бы наполнен особой пикантностью. Единственное, чего не хватало, так это времени, чтобы ещё и ещё раз вернуться на весёлую улочку испанского курорта.

В Южный возвращались также партиями: Ивановы с Настей и Уховы втроём.

9

2013. Май.

Раиса неслась по Южному с пакетами с базара. В кармане короткого пиджака от «Версаче» зазвенел мобильный. Женщина затопталась на месте, пробуя пристроить ношу. В этот момент кто-то аккуратно продел руку в проём её пакетов:

– Позвольте вам помочь? – Ухова резко повернула голову и недовольно подняла бровь. Но тут же оторопела: стоящий перед ней ухоженный, приличного вида мужчина улыбался. Полудлинные седые волосы придавали его лицу долю аристократичности. – Отвечайте! Вдруг это важный звонок? – Густой тенор гипнотизировал. На вид мужчине было не больше пятидесяти лет. Не отрывая от него взгляда, женщина уступила пакеты и вытащила смартфон:

– Да, Сюзя! – Мужчина улыбнулся. Раиса поправила шёлковый топ, запроваженный в брючки длиной пять восьмых, и ответила, томно махнув ресницами: – Да, моя дорогая...

...С Сюзанной они познакомились весной 2001 года. Прогуливаясь вечером с Настей по скверу, Раиса делилась с ней планами по ремонту однокомнатной квартиры, приобретённой Анатолием не так давно. И как раз тогда, когда мама и дочь стали обсуждать, крыть ли пол паркетом или ламинатом, Раиса почувствовала кого-то за спиной. Оглянувшись, она увидела соседку из шестого подъезда. Ухова не могла не замечать такую красавицу: прямое каре смолых волос с чёлкой до бровей, вымеренной до миллиметра, точёная фигура, а главное – вся в дорогих брендах. Уж в чём в чём, а в фирменных шмотках Ухова разбиралась.

На этот раз соседка тонула в шифоновой блузе от «Диора», перехваченной на невозможно узкой талии тоненьким пояском. В туфлях на высокой танкетке яркая брюнетка двигалась, как акробат по канату: шаг в шаг, пятка перед носком. Нежно-сиреневая ткань её наитончайшей блузы тянулась за ней шлейфом, – или Раисе так показалось. Был март, погода стояла прекрасная.

– Здравствуйте, дорогие соседки, – голос с хрипотцой необыкновенно шёл этой женщине с обложки журналов. – Дышите воздухом?

Раиса, ощущая себя рядом с ней «де-моде», смущённо закутала огромный живот шерстяным жакетом:

– Вот, прогуливаю детей.

– Это здорово! Как я вам завидую! А у меня детей нет. – Соседка шла рядом, вызывая зависть своей стройностью. Мужчины, проходящие мимо, непременно косились на неё. Раиса в это миг ненавидела свои положение и размеры – сарафан на кулиске под грудь и ядовито-жёлтый жакет от «Лакруа» делали её похожей на грузную самку голубого кита.

Женщины обменялись домашними телефонами, условившись регулярно гулять, но Раиса даже не надеялась на продолжение отношений; разве такой, как Сюзанна, погулять больше не с кем? Поэтому, когда на следующий день эффектная брюнетка позвонила по селектору в дверь, Ухова бросила тёрку с морковкой и, забыв про обязательное ежедневное употребление каротина, понеслась открывать замок: ну не держать же пришедшую под дверью!

Сюзанна осмотрела квартиру Уховых, оценила вкус хозяйки и вдруг предложила переставить мебель по фэншую. Раиса, ничего не зная про это даосское учение, тут же записала советы по активации зон карьеры и богатства и усмехнулась про себя из-за ненужности делать это в зоне любви: к тому времени Анатолий уже переселился в зал, а она спала в «женской» комнате на раскладном диванчике. Новая подруга тут же предложила выкинуть его, а заодно и детскую кровать Насти.

– Ночь для человека, а особенно для женщины, – это период восстановления гормонального равновесия, – изрекла Сюзанна с величием. – Плохо спишь – плохо «гормонируешь». А из этого исходит всё: внешний вид, настроение, состояние... Так что, дорогие мои девочки, срочно купить огромную кровать с дорогим жёстким матрасом и спать только на ней!

– Как это? Зачем? – Раиса глупо улыбалась; куда спокойнее ей было спать одной, пусть и на раскладном диване.

– Раечка, девочка моя, у тебя скоро появится малыш, – сказала Сюзанна, словно сообщая сказочную новость. – Вот ему-то точно нужна отдельная кроватка. А вам с Настей, поскольку лишней спальни нет, придётся спать вместе. Широкая кровать это допускает. При условии, что у каждой из вас будет отдельное одеяло. Да? Это обеспечит своё микро пространство. Да и энергию во время сна друг у друга воровать не будете.

Уховы вытаращили глаза. Раиса никогда бы не подумала, что под одеялом можно что-то воровать. Настя считала, что с мамами в кроватях спят только маленькие детки. Но, по уверениям Сюзанны, оказалось, что не только. Худшей альтернативой дочери в кровати являлось только ложе, разделённое с мужем.

– Вы думаете, почему короли спали со своими жёнами в разных спальнях?

– Но мы не короли, – послышался девчоночий смешок.

– Помолчи, Настя!.. Почему? – голос матери прорычал на первой фразе и мёдом разлился на второй. Дочь закусила губу и стала смотреть на гостью исподлобья: не хватало ещё, чтобы из-за какой-то едва знакомой тётеньки мама на неё кричала! Но перемену в настроении девочки никто не заметил. Женщины погрузились в чужую и, скорее всего, чуждую философию. Потом гостья долго что-то объясняла про краски тёплых тонов вместо «позорных обоев в устаревший цветочек», которыми мама так гордилась и за которые выложили столько денег... Когда Сюзанна заметила про «утечку всего хорошего, исходящую от источника воды, если он

стоит в спальне», перепуганная Раиса схватила аквариум. Быстро переместив его на кухню вместе с красной рыбкой Матильдой – единственным членом семьи, способным выслушивать Настю, – хозяйка призналась, что чувствует теперь в «женской» комнате потоки положительной энергии.

Основой дальнейших взаимоотношений соседок стала именно эта привязанность на энергетическом уровне, если не сказать привязка, а ещё вернее – привязь. Плотная цепь, сорваться с которой Раисе вовсе не хотелось. Ведь любую мысль Сюзанна подавала под соусом «а ля фам», преподнося мужчину и женщину не как китайские дополняющие «инь» и «янь», а как огонь и воду, неспособные сосуществовать.

– Мужчины – с Марса, женщины – с Венеры. Читай, Раечка, Джона Грея. И поверь мне, что разницу полов нужно уметь сносить ежедневно. Это сказала не я, женщина, а мужчина, эксперт в области семейных отношений, – Сюзанна жужжала, как пчела, выдавая столько неведомой ранее информации, что Ухова поняла – вот она, её нить Ариадны. А потому вгрызлась в дружбу с благополучной соседкой, как моль в шаль.

– Общаться нужно только с людьми успешными, – твёрдо решила она для себя, буквально помешавшись с тех пор на идее рожать в Испании. Что совсем не радовало Анатолия и стало причиной для ссор супругов.

– Представляешь, ему однокомнатная квартира дороже меня с сыном, – пожаловалась как-то Раиса Ивановой, встретив её на Центральной.

– Но ведь у вас было столько планов на эту квартиру. И потом, Анатолий столько работал, чтобы её купить... – попыталась напомнить Катя. Не так давно Ухов приглашал её мужа посмотреть на покупку и объяснить, как лучше списать кредит на недвижимость за счёт фирмы. В обновлённой стране уплата налогов считалась следствием не дохода, а изворотливости, и любой зарабатывающий руководствовался девизом «Не обманешь – не проживёшь!».

– Знаешь, Катюша... – Раиса так незнакомо прищурилась, – квартир в моей жизни может быть ещё много, а вот другого ребёнка в Испании я уже никогда не рожу. И мне жаль, что Анатолий не хочет это понимать, – имя мужа Раиса произнесла жёстко, сухо, с официозом.

Женщины брели вдоль их дома со стороны картинной галереи или, как её теперь громко называли, Выставочного зала. Проходя под своим балконом, Катя оглядела окна на пятом этаже: Вера убежала в школу и забыла закрыть ставни. В Южном, из-за близости Чёрного моря, в любой момент мог подняться шквальный ветер.

– Успеешь, – удержала её Раиса от намерения уйти. Катя взглянула на шлёпки соседки из мягкой чёрной кожи, на маленьком каблучке и с сильно открытым верхом. Отёчным от беременности стопам в шлёпках явно было комфортно. Ухова тут же принялась крутиться, демонстрируя покупку. Даже несмотря на беременность, выглядела она шикарно: длинное нежное платье в греческом стиле ниспадало мягкими складками. Коралловый цвет наряда оттенял побледневшую за зиму кожу, придавая ей здоровый оттенок. Обувь стильно подчёркивала красоту одежды.

– Классные, – оценила Раиса шлёпки. – Мне с ними жутко повезло. Во-первых, спасают от жары: кожа, Италия... Во-вторых, я их купила со скидкой пятьдесят процентов. – Озвученная цена, равная половине зарплаты учительницы, отбила у Кати всякий интерес к шлёпкам. Женщины молча добрались до угла Казачьей и остановились напротив пиццерии. Кафе открыли года три назад, и оно пользовалось хорошей репутацией.

– Может, зайдём? – Раиса достала из сумки длинный пухлый кошелёк. Катя отрицательно покачала головой. Она привыкла готовить и есть дома. Подруги не заметили, как к ним подошла Сюзанна. Плавнo вышагивая, она несла на себе бледно-кофейную муслиновую юбку с рваными краями, развевающимися при ходьбе, как перья лебедя. Тонкую талию подчеркивал атласный двубортный пиджак с глубоким вырезом. Вещи из новой коллекции одежды от «Армани» и напямую от поставщика повергли Раису в такой восторг, что ей тут же захоте-

лось увидеть остальные и все их купить. Катя, с короткой стрижкой, в джинсах трубочкой и рубашке в бело-голубую клетку «Vichy», почувствовала бы себя пажом, если бы вдруг Сюзанна чувственно не потянула руки к краю её рубашки:

– Боже! Какая прелесть! Раечка, ты только посмотри, как просто и как стильно! Я, как дура, ношусь по салонам, презентациям, хожу на всякие тупые коктейли и фуршеты в поисках новых идей, а тут... Катюша, ты само обаяние!

Да-а, быть удобной Сюзанна умела. От её похвал Иванова почувствовала себя топ-моделью. И дурацкую привычку называть всех уменьшительно-ласкательно, которую Раиса подцепила у новой подруги, как лиса репейник, тоже теперь одобряла. Правда, чтобы так обращаться, строгой учительнице стоило сначала потренироваться, но теперь она понимала эйфорию Раисы.

Услышав от Егора, что «теперь из-за этого скотч-терьера Сюзанки Анатолий должен сливать однокомнатную», Катя совсем не удивилась: по совету подруги Раиса была готова лететь рожать не только в Испанию, но даже в открытое космическое пространство, если бы такое было возможно. И вытянула бы для этого у мужа не только все деньги, но и все силы...

Звонок Сюзанны интриговал. Пообещав скоро быть, Ухова вернулась взглядом к незнакомцу. Нет, ей не удастся насладиться майской прогулкой с ним. Дома лежит загипсованная с ног до головы Настя. Через час необходимо бежать встречать из школы Мари. Потом на обед прилетит запыхавшийся Миша. Не говоря уже о том, что Анатолий, дела которого совсем не клеятся, может теперь заявиться домой в любое время и потребовать себе «тарелку». И несмотря на такой вертеп, обязательно нужно на минуту заглянуть к подруге. Скорее всего, Сюзанна хочет поговорить о выставке картин. Живописью Ухова увлеклась давно, и хотя ей никогда не хватало времени всерьёз заняться творчеством, идей для создания первого полотна было столько, что Раиса даже успела накидать несколько набросков. Сюзанна пришла от них в восторг и сразу же заговорила о выставке, которую мог организовать Кирилл – её новый мужчина...

...Забрав пакеты, Ухова поблагодарила незнакомца. Он вынул из наружного кармана пиджака визитную карточку и осторожно опустил её в один из полиэтиленовых мешочков:

– В следующий раз, когда вам нужно будет на рынок, звоните – с удовольствием подвезу.

– Нет. Я позвоню не тогда, когда мне будет нужно на рынок, а когда уже с него. – Ухова шутила, и шутила тонко. Мужчина посмотрел на неё тем самым взглядом самца, от которого сразу ощущаешь себя слабой и беззащитной. Когда-то так на Раису смотрел Анатолий... Эти времена ушли безвозвратно, не позволяя более сравнивать опустившегося во всех смыслах мужа с незнакомцем, благополучно блещущим кожей, одеждой и манерами. Раиса засеменила к дому шажками китайской гейши, ещё долго ощущая на спине мужской взгляд.

10

Ещё до падения с табурета в мае 2013-го Настя перекочевала из супружеской квартиры в родительскую. Вытеснив мать на раскладушку, а сестру на надувной матрас, брошенный на застеклённой лоджии, она преспокойно заняла двухместную кровать. С Мишей они были по-прежнему в ссоре, но он, на правах зятя, приходил к Уховым по два раза в день: в обед поесть и вечером – занести Насте покупки. Мать пичкала её всевозможными БАДами: водорослями спирулины для поддержания иммунной системы, хрящевой субстанцией из плавников акулы, таблетками на основе вытяжки из черешков вишни. По настоянию Сюзанны их заказывали на иностранных сайтах, а Миша бегал за посылками на Главпочтамт.

Месяц прошёл быстро. В июне хирург заверил, что Настя может приступить к прежней активной жизни. Сунув ему три тысячи монет, взятые утром у папы, девушка столь скорому выздоровлению не обрадовалась.

– Не пишите, что сказали, – попросила Раиса врача, объясняя, что в противном случае отец тут же погонит дочь в спортивный зал. – Это из-за него у Насти болят спина и шея, – озвучила она свой диагноз.

Врач, безразличный ко всему, что не является деньгами, выписал справку о щадящем режиме. Именно её мать и дочь сунули пришедшему вечером навеселе Анатолию, требуя удвоить месячный бюджет на продолжение лечения. Для красочности Настя указала на коробку на полу.

Анатолий скривил своё бульдожье лицо с провисающим подбородком и глазами навывкате и зарычал:

– Настя, а ты не пробовала всю эту дребедень заменить, например, растяжкой? – Даже он, далёкий от спорта, понимал, что реабилитация – это движение, а не просмотр телевизора целыми днями, лёжа на кровати. Прочитав на одной из банок название полученного зелья, написанное по-латыни, Анатолий бросил её обратно в коробку: – Это же надо, сколько бабла уходит на всякую дрянь! Я бы пива обпился! А ты, Настя, лучше бы пошла поиграла в теннис. – Панацею от любой болезни он видел только в нём, отчего выходные проводил на кортах. Утренние двухчасовые тренировки Анатолия заканчивались душем на стадионе и пивом в его гараже. Проставлялись проигравшие, так как со временем от индивидуальной игры перешли на парную. И, возвращаясь вечером домой уставшим от нагрузки и «наливки», Ухов не понимал, как можно не любить теннис.

Продолжая воспитательную беседу, отец постучал по гипсовым лангетам на локте и колене дочери; остальную «экипировку» с неё сняли. Раиса метнулась насадкой:

– Что ты накинулся на бедную девочку? – она загородила Настю собой. Та схватилась руками за шею. Это добавило матери твёрдости в голосе: – И пусть пройдёт её шея. Ты ведь не изверг? Должен понимать? – Головокружения дочери и страшные прострелы у неё в шее казались матери убедительным поводом для опеки. Анатолий кисло сморщился. Мари, подпирая косяк и грызя карандаш, хмыкнула. Оглянувшись на младшую дочь, Ухов приободрился.

– Прекрати всё за неё делать! – он заглянул за жену: – А ты, Настя, зря так себя ведёшь: мышц не будет, начнутся проблемы с позвоночником.

– Они у меня уже есть, – дочь канючила, продолжая держаться за шею. Мари теперь улыбалась. Раиса стояла щитом насмерть.

– А раз уже есть, то шла бы плавать, если теннис тебя не устраивает. Хочешь, поговорю с Мишей, и он отвезёт тебя на неделю на Чёрное море?

– Не хочу я на ваше море... – Настя заплакала. «Отец – алкаш и деспот, Машка – противная, а мама, когда нужны деньги на новый брючный костюм или туфли-лодочки, разговаривает с папой совсем другим тоном, – жалела она себя. – Неделю назад, в день рождения папы, я от боли не смогла наклониться, даже чтобы проследить в духовке за противнем с колбасками. А эта смеётся! Дрянь! Сама каждое утро ждёт, пока мама с гелем зачешет ей взъерошенные волосы то набок, то назад. Как гадко и подло присваивать мамино внимание, которое должно быть оказано мне...».

Ревность Настя стала испытывать не вчера и не случайно. Превратившись из единственной дочери в старшую, тринадцатилетняя Настя с ужасом поняла, что теперь де-факто принцесс в семье будет две. Крепкая и широколобая малышка пищала в кроватке, стоило матери удалиться на шаг, постепенно перерождая в Насте желание поскорее иметь братика в неприязнь к сестре. Родители, сами того не замечая, способствовали этому. По утрам теперь не было на столе пышной овсяной каши с добавленными в неё свежими сочными фруктами, заботливо принесёнными мамой с рынка. Никто не варил на полдник горячий шоколад, напоминая, что теобромин благоприятно влияет на нестабильную нервную систему подростка. Отец, обещавший Насте во время отпуска в Испании совместные заплывы на надувных матрасах, свой даже не накачал, а дочкин проболтался без дела, так как таскать матрас на пляж девочка ленилась.

Испанию Настя возненавидела и всё ждала возвращения в Южный в надежде, что в привычной домашней обстановке всё станет по-прежнему. Но не тут-то было! По возвращении из Калейки оказалось, что единственная спальня квартиры мала для того, чтобы вместить и двуспальную кровать, и кроватку для младшенькой. Вот когда впервые Раиса пожалела о проданной однокомнатной квартире: можно было бы временно опростить Анатолия жить туда, а Настю устроить в большой комнате на его диване.

– Давай-ка поскорее покупай новую квартиру, – приказала она мужу, пиная ватный матрас, спешно приобретённый для Насти. Он плохо вписывался в загруженную мебелью кухню.

– Да ты офигела?! На что я тебе её куплю? Все деньги промотали в вашей грёбаной Испании. – Ухов точно знал, что накопить на новую квартиру скоро не получится.

– Ты, муж, идиот, или как? Если ты знал, что у тебя нет денег, зачем продавал недвижимость? Это же всегда верный вклад. – Аpellируя, Раиса активно трясла бутылочкой со сцеженным молоком. Прикладывая Мари к груди посоветовала всё та же Сюзанна, объясняя, что кормящая мать – это благородно и к тому же способствует ее омоложению. Категорически отказавшись от вскармливания в Испании, в Южном Раиса побежала по врачам в поисках таблеток для увеличения секреции молока и засела за «раздойку» при помощи вакуумной груши, закатывая глаза от ломоты сосков и тянущих болей в животе. Молоко вернулось, но его было мало. Да и ребёнок, привыкший сосать из соски без всякого усилия, быстро уставал и бросал сосок. Ругаясь на врачей и возможную мастопатию, Раиса сцеживалась после каждого кормления, докармливая Мари смесями.

Глядя на вспененное в бутылке молоко, Анатолий гневно раздул ноздри. Мудрые мысли, которые он, прежде чем продать квартиру, не раз пытался донести до жены, а ещё та циничность, с какой она говорила теперь, бесили. Он мгновенно стал багровым.

– Ты что, Раиса, дура? Зачем я только тебя послушал! – От отчаяния Ухов был готов рвать на себе волосы. Раиса, кинувшись, закупирила ему ладонью перекошенный рот и, глядя с ненавистью, прошипела:

– Конечно. Зачем? Ты разве не знаешь, что все бабы – дуры? Нужно свою голову на плечах иметь. Бизнесмееен!.. – В её презрительном тоне сквозили и неуважение, и нежелание понимать, как мужу тяжело держаться на рынке.

Молча наблюдая, как жена сунула бутылочку с молоком в холодильник и вальяжно вышла из кухни, Анатолий осел на диванные подушки гарнитурного уголка.

– Трындец. – Он тяжело уронил голову в ладони. Материализм сделал в стране своё дело, уничтожив духовность. Вся некогда пылкая любовь Раисы улетучилась, заставляя в первый раз задуматься, каким же отныне будет их семейное будущее. Именно после того разговора в мужчине стало зреть безразличие к женщинам вообще, а к своим в частности. А ещё Анатолий понял, что ему нужно как можно скорее снова выровнять бизнес. Он настолько приучил семью ни в чём не нуждаться, что от недостатка средств для удовлетворения множущихся потребностей жены и дочерей ощущал себя никем. Промучившись после Испании неделю в кухне на матрасе (Настя после первой же ночи категорически отказалась спать среди ножек стола), Анатолий заплатил деньги и отправил старшую дочь на тренировочные сборы. Это было хоть временное, но решение вопроса. Слезы и жалобы на то, что она будет скучать, отца не тронули.

Двенадцать лет спустя мало что поменялось: отец кричал, мать защищала Настю, а она рыдала.

– Вот! Довёл ребёнка... Как всегда! – упрекнула Раиса мужа.

Анатолий равнодушно посмотрел на часы и махнул рукой на дверь:

– Ладно. Поесть у нас готово? – Через несколько минут начинались заключительные серии «Пандоры». Поняв, чего хочет отец, Настя забрала посылку и вышла. Мари ушла, посвистывая. Раиса фурией метнулась на кухню. Оттуда она появилась, неся мужу «его тарелку» –

зелёный салат, который днями жевала сама, и толсто нарезанные ломти копчёной колбасы, сыра и хлеба. Бухнув посудину на стол, Раиса желчно пожелала мужу приятного аппетита.

– Спасибо, – отозвался Анатолий, потирая ладони. Настроение Насти его никак не смутило, претензии Раисы – тем более. А про Мари отец вспоминал только тогда, когда случайно встречался с ней на общей территории. Любые проблемы, дома или вне его, мужчина привык решать очередной сунутой купюрой. В стенном баре Ухов припас на вечер коньячок, который он потом «заглянцует» сухим красненьким. Плотная закрытая дверь и обидевшиеся на него жена и дочь гарантировали непроникновение на его территорию. Налив золотистый напиток в пузатенькую рюмочку и взметнув глаза к небу, мужчина прошептал тост, залпом опрокинул алкоголь в рот и зажмурился от удовольствия. Вечер обещал быть приятным.

11

Двадцать второго июня две тысячи тринадцатого года природа зарёй так и не разродилась, и день не удался. Ночной туман сменился серостью, отчего в Южном было неуютно и зябко. Из-за резкого похолодания посреди лета Настя лежала в родительской спальне с закрытыми глазами, стараясь не двигаться. Мать, пытаясь расшевелить, заставляла её то поесть, то помыться... Мари и отец раздражали. Отец – особенно. Возвращаясь домой угрюмый и злой, он закрывался в зале, громко включал телевизор, и из-за толстых стен доносились крики с экрана, кашель и другие физиологические звуки выпивающего. Для отца Настя словно перестала существовать.

Жизнь казалась девушке пустой и ненужной. На тумбочке лежали таблетки, которые теперь надо было пить горстями: кроворазжижающие, иммуностимулирующие, антидепрессанты и транквилизаторы, а ещё болеутоляющие и противовоспалительные. От нечего делать Настя стала выковыривать их из упаковок и складывать в одну горку. Мари, читавшая что-то в Интернете, то и дело оглядывалась на сестру, но ничего не говорила. Невыраженный, меланхоличный взгляд Насти шатко граничил с плачем и требованиями любить её и заботиться о ней побольше. Она нарочно громко вздыхала, шумно поправляла лангеты, охала, шуршала упаковками от таблеток, но Мари что-то списывала карандашом с экрана, потом тёрла надпись резинкой до дыр, опять писала, опять тёрла, не реагируя на сестру «Крыса. Поди, рада радёшенька, что я останусь на всю жизнь калекой», – злилась на неё та. Мрак за окном способствовал тому, чтобы на глаза Насти наворачивались слёзы.

Жалобно замыкал мобильник. Звонила Вера и просила подругу открыть дверь в подъезд; звонок переговорного устройства не работал у Уховых уже больше месяца. Мари, обрадовавшись гостю, стала расспрашивать, когда и куда Ивановы едут в предстоящие каникулы. Катя и Егор, как всегда, собирались в июле в Юрмалу, а в конце августа – в Турцию. Вере, по горло наевшейся за двадцать шесть лет однотипными курортами с их размеренной скукой, лучше отдыхалось с друзьями на Азове. Там молодёжь ловила осетров, ходила по морю на лодках, варила уху на костре, каталась на лошадях.

– Мария, иди убери на кухне! – властно приказала Настя. Взрослый разговор с подругой был не для ушей двенадцатилетней пацанки. Не споря, Мари ушла мыть чашки, что до сих пор стояли на столе после завтрака.

– Как ты тут? – Вера кивнула на гору таблеток, выложенных на тумбочку. – Травят?

– Могли бы – уже удушили бы. И чего я, Вера, такая невезучая? Вчера эта мелочь пузатая, – Настя кивнула в сторону кухни, – подняла крик, что я сплю на её месте. А сама целыми днями за мной подглядывает.

Вера промолчала, мысленно благодаря родителей и за отдельную комнату, и за участие в её жизни. Три года назад она закончила юридический факультет, и Егор взял её консультантом по бизнесу на свою фирму. Накручивая локон на палец, Настя молчала. Если бы не плавающий взгляд, она сейчас была бы очень похожа на свою мать. Из-под кровати вылез маленький одноглазый котёнок.

– Это у нас ещё кто? – Вера наклонилась и взяла его на руки. Котёнок пискнул. Тут же с лоджии вальяжно показался другой кот – Глазастик, взрослый, тоже одноглазый, и ревниво прыгнул к Насте на кровать.

– Дай! – Ухова потянулась за малышом. – Нашла на помойке ещё до того, как бабахнулась, – она пошевелила ногой в лангете: – Люди такие безжалостные...

Вера легонько ущипнула подругу за тощую голень, выглядывавшую из лангета. Кожа на ноге растянулась, как ослабленная резинка.

– Ты сегодня хоть что-нибудь ела?

Настя неопределенно махнула и отодвинула ногу:

– Маме теперь некогда нас кормить: целыми днями пропадает у Сюзанны.

– Так ведь они дружат...

– Дружат... – Настя усмехнулась. – Это с тётей Катей мама дружит, а на Сюзанну она молится. – От злости девушка гладила котёнка с такой силой, что, казалось, снимет ему скальп. Тот беспомощно попискивал, но не убежал. – Сюзанна – это женский идеал. Благополучная и успешная, – копируя интонацию матери, Настя возвела глаза к небу. – Только где бы она была, эта успешная, если бы не бывший муж? Это тебе не мой Киселёв с его сорока штуками.

В раскрытой записной книжке подруги лежала фотография мужа.

– А с Мишкой что? – спросила Иванова.

– Ничего. Задолбал: «Иди работай, иди работай...» – Настя бросила крутить пряди и снова стала ковырять заусеницу на большом пальце.

– Что, и сейчас? – Вера одним ноготком постучала по лангету, жалея.

С малых лет они настолько привыкли друг к другу, что, даже не видясь неделями, постоянно перезванивались. Но в последнее время Вера стала уставать от нытья подруги: все-таки уже четыре года, как та окончила технологический факультет, стажировалась в международной компании «Бондюэль». Так почему же не пошла работать, заявив сначала, что ей срочно нужен ребёнок, а год спустя, так и не забеременев, согласившись быть домохозяйкой, как мать.

– Глупости! Ты же – зависимая, и что? Делаешь что хочешь, ходишь куда хочешь. И денег тебе папа всегда даёт, – беспечно отмахивалась она от воплей Раисы по поводу того, что в нынешнем мире женщина не должна быть зависимой, и быть домохозяйкой – не так-то легко. Получив в 2009 году диплом по профессии «Экономика, управление и бизнес», Настя не имела ни малейшего представления даже о том, сколько требуется денег для такого простого «предприятия», как семья. Выйдя семь лет назад замуж, она таскала теперь деньги на свои потребности не из родительского кошелька, а из мужниного. В магазин молодая жена ездила как на экскурсию, кидая в корзинку первое, что понравится, и не глядя на цену. На базар не ходила. Народу там – тьма, а случись чего, концов не найдешь. В супермаркетах были хотя бы камеры наблюдения и охранники. Про стоимость жилья и коммунальных услуг Настя тоже ничего не ведала. Оплатой квитанций занимались родители Миши; квартира ведь была их. Чего уж говорить про траты на машину? Права, подаренные ей на совершеннолетие, девушка видела только раз и водить машину не хотела. То, что ей напоминали об обязанностях, злило, но Миша, похоже, не хотел больше терпеть на шее иждивенку.

Настя посмотрела со слезами на глазах; приступы внезапной жалости к себе были у неё давно отработанным трюком:

– Никому я, Вера, не нужна. И никогда не была нужна, – завела она привычную уже пластинку. Жалеть её не хотелось: любой помог бы ей найти работу, прояви Настя хоть малейший к этому интерес.

– Ладно, не ной, – Вера погладила подругу по руке. Настя одёрнула руку: ей не нужны были ни эти ласки, ни эта забота. Более того, они казались ей противными даже от мужа. – Хочешь – приходи к нам, как тогда! – предложила Иванова. Настя глубоко вздохнула. Катя, безусловно, всегда была рада видеть и её, и Мари, бывавшую у крёстных гораздо чаще, чем об этом знали родители или сестра. «Но кто же мне тогда чаёк с лимончиком в постель принесёт?» – пронеслось в голове болящей. У соседей прислуживать ей точно было некому.

Три года назад Настя уже уходила к Ивановым на месяц. Решив поменять свою жизнь, она собралась тогда развестись, бросить институт и пойти работать учеником косметолога в салон красоты рядом с домом.

Хватаясь от таких новостей за тонометр, Раиса сморщилась:

– Ты хочешь всю жизнь кому-то выдавливать прыщики?

– Что ты в этом понимаешь?! – ответила дочь с гонором и игнорируя слова матери про её резко упавшее давление: – У них там крутой салон, мажут тело шоколадом!

– Да-да, мажут всяких плешивых-паршивых шоколадом, чтобы от них меньше разило, – поддержал Анатолий жену и тут же выматерил дочь от души: – В твоём возрасте, Настя, пора браться за ум. Поступила в институт – закончи! Мы на одних репетиторов для тебя угрохали целое состояние.

– Мне не нравится ваш институт, – заплакала девушка.

– А что тебе нравится? Всю жизнь сидеть на шее родителей? – ответил Анатолий, не подавая жалости; в отличии от жены, давно уже понял стратегию старшей дочери. – И вообще: нехер шляться туда-сюда. Вышла замуж – живи! Кто ещё, кроме Миши, будет тебя терпеть? Истерички – что ты, что мать твоя! – Непокорную жену, вставшую было на сторону дочери, Ухов «вылечил» тут же, обещая урезать деньги даже на еду: – На картошке пусть сидит! И вам всем полезно. А то – фруктики им с базарчика, парное мяско... Ох.ели вы без меры. Научи дочь варить кашу и борщ, а то от неё любой муж сбежит, – потребовал он у жены мимолётом, тут же возвращаясь к «воспитанию» детей: – Одна – корова! Выросла, а ума не набралась. И вторая вон на подходе – не знает, как пакет с молоком открыть, чтобы не пролить половины.

– Ты опять меня гонишь?

Настя дула губы, заламывала руки и закатывала глаза, демонстрируя скорую потерю сознания. Раиса тут же охала, бежала за аптечкой, умоляла не орать. Но на мужчину такие сцены уже давно не действовали: надоели ему эти бабы! Поэтому в таких ситуациях он начинал бить кулаком по столу, требуя прекратить «концерты». От его крика замирал даже кот. При очередном скандале он мигом слезал с кухонного стола и ретировался в безопасное место в конце коридора. Раиса, закрывшись на ключ в спальне, давала понять старшей дочери, что у них нет места: с мамой на большой кровати теперь спала Мари, а на месте проданной детской кроватки стояло бюро с компьютером. Ей не было никакого резона ссориться с мужем – приближались летние распродажи, а там уже не за горой и день рождения Раисы в августе. Так, выставленная за дверь с напутствиями помириться с мужем, летом две тысячи десятого года Настя на месяц оказалась у Ивановых вместе с Глазастиком.

С тех пор как в сентябре 2001-го умерла рыбка Матильда, а после неё строем ушли в мир иной два хомяка и одна канарейка, всю последующую зиму Уховы ломали голову: какое же животное завести? Мари тогда была совсем маленькой, её зверьки не интересовали, а вот Настя каждый день просила у мамы то нового хомячка, то опять рыбку.

– Я бы купил, – жаловался Ухов Иванову. После возвращения из Испании они теперь регулярно заходили в гараж «вдарить по пивку». – Но ведь каждый раз, когда эти твари дохнут, дома истерики с похоронами и недельными поминками. И ребёнку стресс, и мне на душе говённо.

– Тогда купи ей черепаху, – посоветовал Егор. – Они по триста лет живут.

– Да? – Ухов шутки не понял и до третьей бутылки рассуждал, где же ему раздобыть черепаху.

А уже скоро, в начале марта две тысячи второго, Иванов принёс Уховым котёнка: окотилась кошка, которую на фирме держали для ловли мышей. Соседи «усыновили» его сразу же, не дожидаясь, когда ему исполнится месяц. У мамы-кошки не было молока; оказывается, у животных такое тоже бывает.

– Бедный, – жалела малыша Настя, отпаивая его молочными смесями сестры. Зверинный детёныш сосал их за милую душу, умильно причмокивая вместе с малышкой. Имя Глазастик котёнок получил потому, что верхнее веко слева было у него парализовано.

На шум, раздавшийся с кухни, Настя неприятно сморщилась:

– Опять эта косолапая что-то уронила... – оторвав заусеницу и вздрогнув от боли, она посмотрела на Веру. Та улыбнулась:

– Уронила – поднимет. – Ивановой всегда хотелось иметь сестрёнку. Но о проблемах матери она знала. Как, впрочем, знала и про то, что не родная. Хотя это мало что меняло – Катя всегда была для Веры мамой. – Так что насчёт переезда к нам?

– Да, наверное, перееду. Пусть возьются со своей Машкой. Зачем я им? Они меня ни на родину, ни на крестины не звали. – Теперь Настя говорила явно не своими словами и даже не своим тоном. Думая об этом, Вера вспомнила, как в две тысячи первом крестили Мари...

12

Егор, как обещал, договорился провести крестины Мари в Свято-Троицком соборе. Двадцать девятого июля солнце перешло в знак Льва – символ огненной стихии, и планеты обещали крещёному в этот период особую жизненную силу. Раиса, натасканная Сюзанной, детально подготовилась к обряду: выучила наизусть «Символ веры», купила себе длинное светлое платье, платок в тон и туфли без каблуков, что уже являлось для неё жертвой. На три долгих дня она запретила мужу даже смотреть на неё (не то что притрагиваться) и материться. А ранним утром перед крещением приняла душ сама и погнала в ванную Анатолия. Из-за этого Уховы чуть не опоздали в собор. Естественно, переругались, но не криком, а не греша, шёпотом, а после второпях залезли в широкий джип Ивановых.

Кроме них на обряд была приглашена Сюзанна, без которой, с некоторых пор, не обошлось ни одно семейное мероприятие. Она советовала, какую для новорождённой купить одежду, как выбрать коляску с хорошими рессорами, и даже приволокла фиолетово-розовую силиконовую ванночку, способную, по какому-то там физическому закону, не пропускать во время купания отрицательные флюиды. Пластик их не отталкивает, а силикон – ещё как!

– Бля! Да откуда эта твоя гадалка-чернушка знает, как воспитывать детей? – удивлялся Анатолий советам, ссылаясь на бездетность соседки. Сюзанну он невзлюбил, как и Настя, с первого взгляда.

– Ты, вообще, не кощунствовал бы на её счёт, – посоветовала Раиса накануне крестин. – Ты хоть в курсе, что Мари родилась в день святой Сусанны? А сегодня, 24 августа, – именины Сусанны Римской. Так что не надо мне втирать про случайности.

Анатолий от удивления открыл рот. В последнее время в их семье и в самом деле происходило так много необъяснимого, словно соседка со смоляными волосами колдовала. Да, было в Сюзанне что-то от ведьмы. Ухова её убеждения либо смешили, либо сердили. А вот Раиса вела себя, как загипнотизированная, безоговорочно веря любому слову подруги.

– А, ну да, бля... Это она тебе мои сперматозоиды в матку засаживала... – ответил мужчина, не боясь святотатства. Ошеломлённая супруга сделала отторгающий жест.

– Прокляну! – Глаза Раисы горели нездоровым блеском, голос был как у плохой феи в страшной сказке. Так и казалось, что после её ответа грянет гром и засверкают молнии. Анатолий оглянулся на окно кухни. На улице светило послеобеденное солнце. Мужчина покрутил пальцем у виска.

– Раиса, тебя тоже надо покрестить – на всякий случай.

Отодвинув супругу, мужчина скрылся за дверями зала от греха подальше. Свят-свят! Хотя жена и уверяла его, что крещёная, в подобные моменты Ухов начинал в этом сомневаться. Впрочем, закрыв дверь и включив вентилятор (сплит-система после родов была строжайше запрещена), мужчина тут же забыл и про страхи, и про угрозы. В конце концов, пусть делают что хотят, лишь бы к нему не приставали. Бог даст, окрестят они завтра Мари без приключений. Хоть в связи с Сюзанной, хоть нет.

Кое-как припарковав машину, Ухов и Иванов побежали догонять компанию, беспокойно кружившую по небольшому двору храма. Начало церемонии затягивалось, что позволило женщинам не раз проверить всеобщую готовность и заставить мужчин дыхнуть на них: чтобы напиток, им минуты без надзора хватит! И что выпить они всегда найдут.

Наконец, к пришедшим вышел «заказанный» священник. Батюшка Кирилл, худой, со впалыми щеками и остроконечной густой бородой, напоминал скорее царя Додона из мультика о Золотом петушке, чем богослужителя, – не хватало только посоха в руках. Увидев духовного наставника, пришедшие обменялись усмешками: белая ряса, расшитая шёлковыми нитями, смотрелась богато, но из-под неё по-будничному выглядывали джинсы и кроссовки. Анатолий

отдал в протянутую руку квитанции об оплате церемонии. Отдельно в конверте – заранее оговоренную сумму за предполагаемое усердие. Конверт священник тут же сунул в карман джинсов. Глядя на это, Сюзанна перекрестилась, Раиса – за ней. Потянувшись за духовником гуськом, все пошли к боковой часовне, пристроенной к собору. При входе в Божий дом монашки заставили всех показать кресты, а женщин покрыть головы платками. Мужчинам заменили обычные ремни на шерстяные пояса. Родители девочки встали посреди зала перед купелью и священником, будущие крёстные Егор и Катя – позади них, скрывая Сюзанну и Веру.

Маленький куклёнок, утопающий в пелене, специально купленной для крещения в бутике при соборе, шевелил ручками и ножками и изредка попискивал. Раиса не переставала покачивать дочь. Анатолий стоял гордо, с прямой спиной, как у Вечного огня. Перед крестинами они с соседом три дня постились, отчего лицо Ухова превратилось в квадрат с острыми углами. Глаза мужчины блестели от нетерпения – хотелось побыстрее начать, а ещё вернее, закончить процедуру. Ноздри широко раздувались, вдыхая благовония. Безусловно, в церкви счастливый отец оказался по настоянию жены, но теперь, стоя перед маленьким иконостасом, вовсю проникся духовностью и был величав: повторяя слова батюшки, он шевелил губами и то и дело крестился.

В согнутой руке на подушечке Анатолий держал маленький серебряный крестик с настоящим рубином – символом зодиакального знака этого месяца: это был подарок от крёстных. Понимая важность миссии, возложенной на мужа, Катя одобрила траты на подарок, хотя деньги, потраченные внепланово и сверх нормы, предназначались для их отдыха в Турции. «Крестик да крестик... Это ведь не серьги, не кольцо. Он для повседневной носки на теле, под одеждой, а не напоказ. Зря Сюзанна так старалась; могли бы обойтись и чем-то попроще», – Катя заранее жалела об отпуске. Их недавняя поездка в Юрмалу пришлась на холодную неделю, а тело просило тепла. Слева от Анатолия топтался Егор. В церкви он бывал крайне редко, а крестился скорее от испуга, чем по убеждениям. Услышав первые запевные слова священнослужителя, он куце осенил себя крестным знаменем на уровне носа. Батюшка, продолжая распевать и крестить всех большим крестом, дошёл до высокого мужчины и упёрся в него взглядом. В висках Егора застучал пульс, ему показалось, что в часовне душно.

– Осознанно ли готовы вы стать крестным отцом рабе божьей Марии? – голос священника тона не менял, отчего Иванов не сразу понял, что вопрос относится к нему.

Вера подтолкнула его в спину и прошептала:

– Говори «да».

Егор повиновался. Священник продолжал смотреть не отрываясь, осеняя себя крестом. Егор послушно повторил широкий жест.

– На благо, – кивнул мужчина в рясе, и дышать Иванову сразу стало легче.

Батюшка отошёл к Кате и задал тот же вопрос. Она, в объемной накидке из тафты, была больше похожа на восточную невесту, чем на крёстную мать, но своё поручительство огласила с готовностью.

Ещё через несколько минут орущую девочку окунули в купель. Затем отче обрызгал всех святой водой. Новоиспечённым крёстным дали по просфорке, трижды осенили крестом, под пение небольшого церковного хора процессия несколько раз обошла купель и неожиданно вышла из часовенки на яркий солнечный свет. Таинство было завершено. Вера, щурясь на солнце, посмотрела на Раису из-под ладони, приставленной ко лбу козырьком.

– А почему небесным покровителем Мари назвали Святую Настию?

Мать, ещё секунду назад поглощённая крестинами, округлила глаза:

– Настенька! Доченька! – Раиса вспомнила плач и мольбы старшей дочери, когда та звонила из Сочи, куда Анатолий услал её на теннисный сбор. – Анатолий, почему Настя не была на крестинах Мари?

– Так она и на родинах не была, – напомнила Сюзанна тоном столь укоризненным, что Ухова обернулась:

– В смысле?

– Да нужна ей эта муть – таскаться по роддомам да по церквам! – Анатолий махнул рукой на собор, уверенно продел свой ремень в шлейки брюк и хлопнул Иванова по плечу. – Я тоже ни за что не согласился бы на них, если бы не пир после чумы. Поехали, Егорыч, я заказал столики в «Золотой подкове».

Женщины посмотрели на Ухова с возмущением.

– Окстись! – приказала Сюзанна. – У ворот Божьего дома стоишь, а несёшь такую ахинею, богохульник! – Она перекрестилась: – И ответь уже зачем ты старшую дочь не позвал ни на родины, ни на крестины?

– Да пошла ты! – махнул Ухов.

– Неисправимый, – вздохнула Раиса. Возможно, она сказала бы что-то ещё, но в этот момент запищала Мари, и мать тут же забыла обо всех.

Вечером из ресторана пришлось заказывать такси...

13

2013. Июль

Михаил Киселёв был воспитанным юношей из хорошей семьи. Его отец, Вадим Николаевич, работал в советские времена заместителем председателя отдела социального обеспечения в горсовете. После прихода демократов Киселёв-старший остался в администрации города и продолжал заниматься социальными вопросами. Человеком он был исполнительным, не скандальным, а ещё – огромным трусом. Там, где другие воровали тысячами, а то и миллионами на грантах, выпрошенных на культурные или образовательные проекты, там, где пускали налево фонды, отведённые на соцвыплаты на ребёнка, призванные решать вопросы семьи и детства, там, где заворачивали на личные счета «свой процент» за и без того сверхдорогое медицинское оборудование, Киселёв старший только вздыхал. Воровать ему не позволяли вовсе не совесть, а отсутствие хватки, наглости, умения врать в отчётах и не обливаться при этом потом. Процент порядочности в любой управленческой структуре обеспечивается именно благодаря таким людям, поэтому они нужны и даже ценны.

Одни считали Вадима Николаевича патриотом, другие – дураком. Молчаливый и исполнительный, он тем не менее пользовался за счёт мэрии всеми благами, положенными по закону: летним отдыхом на побережье в «своих» санаториях, ежеквартальными премиями, льготным питанием в управленческой столовой, квалифицированным медицинским обслуживанием, списыванием расходов на бензин, телефон, компьютер... и немалой добавкой на чернила, бумагу, портфели и даже одежду. Этого Киселёву хватало. А при необходимости под рукой всегда был коллега для решения любой проблемы: от скорого ремонта жилища до устройства детей на учёбу в вуз и на работу после него. Так городской служащий обеспечивал себе спокойную старость по достижении пенсионного возраста, до которого оставалось менее десяти лет, а семье – уверенность в завтрашнем дне. Жили Киселёвы, не выделяясь, не прибедняясь, не особо ограничивая себя в необходимом. Детей воспитывали на тех же принципах: не рвать и не зарываться.

У двадцативосьмилетнего Миши был брат Антон, старше на два года, неженатый и работающий тоже в банке, только в другом. Их мать Мария Ивановна, бухгалтер по профессии, после рождения сыновей никаким бюджетом, кроме семейного, не занималась. В пятьдесят четыре года выглядела она бодрой, упитанной казачкой. Волосы красила уже давно в чисто чёрный цвет, без всяких оттенков, и, заплетя в косу, укладывала их на голове венцом. Внешне Мария Ивановна походила на актрису Нонну Мордюкову. Говорила с присущим жителям юга акцентом, «хэкая» и «шокая». Проблемами семьи могла заниматься двадцать четыре часа в сутки. Мужу потакала во всём, всегда готовая встретить его горячим обедом, доброй улыбкой и приветливым словом.

За всю жизнь Антон и Миша ни разу не слышали, чтобы родители ругались. Вместе они никогда не скучали, друг другу не надоедали и в отпуск по отдельности не ездили. Мария Николаевна всем говорила, что благодарит мужа за ту жизнь, что он ей подарил. Вадим Николаевич трепетно относился к жене и был бесконечно признателен за её постоянную заботу о нём: от поглаженной рубашки до вычитанного квартального рапорта о проделанной работе. Женитьба Киселёва-младшего в две тысячи шестом году оказалась для родителей несколько неожиданной – молодые люди были знакомы до свадьбы немногим больше года...

Поступив в 2005 году на первый курс экономического факультета, Настя познакомилась с Мишей на каком-то сборище студентов. Из всей бойкой массы подруг Ухова выделялась замкнутостью, мало чего просила, ещё меньше требовала. Училась Настя плохо, но после дискотеки всегда звонила, чтобы справиться у Миши о здоровье, а то могла и пивка для опохмела принести. Заботливая такая, тихая, ласковая девушка. Никаких ссор по поводу того, что Кисе-

лёв шлялся всю ночь по барам один, Настя не устраивала, ибо сразу объявила, что публичные места – не для неё. Про детей она не мечтала. О роскошной жизни понятие имела, но повёрнута на ней не была. Чтобы, скажем, как любая другая на её месте, закинуть вопрос о поездке в Таиланд или покупке дорогого манто на распродаже – никогда. Зато она часто мечтала о жилье.

– Я в своей квартирке, Миша, всё-всё продумаю, чтобы муж приходил домой, а его ждали тепло и уют. – Обобщая своё желание, первокурсница обращалась вроде, как и не к нему. Миша в двадцать один год уже заканчивал кредитно-финансовый факультет и подрабатывал в банке, в который потом устроился на постоянную работу. Деньги молодому финансисту платили хорошие, и он мог баловать подруг. Настя была хрупкой девушкой с нежными чертами лица. Ей пошла бы даже попона от коня, поэтому подобрать для неё подарки было легко. Она принимала их без жеманности, милостиво, по-королевски позволяя заботиться о себе. Другие девчонки были рядом с ней обыденными, разбитными, громкоголосыми, в них не было того благородства, с каким носила себя Ухова. Тут уж Раины гены проявлялись вовсю.

Понравилась Настя и родителям Миши. Им она тоже показалась той самой романтической тургеневской барышней, каких новая эпоха почти изжила. Уж в её-то руках Миша точно не утратит душевность и порядочность, думали они. Уховы пригласили Киселёвых к себе первого января. Раиса расстаралась с праздничным столом, Анатолий расщедрился на выпивку и соблаговолил предоставить для встречи свой зал. А так как обеденного стола у Уховых не было и в помине – обходились кухонным или журнальным, – то пришлось позаимствовать раскладной стол и стулья к нему у Сюзанны. Приём «важных людей» получился радушным не без её советов. В зале за столом посадили родителей. Миша, Настя и Антон – его тоже позвали – праздновали на кухне. Мари, чтобы не мешалась, отправили с крёстной Катей на праздничную ёлку в Театр кукол.

Ели и пили долго и много. Подвыпив, Киселёв осуждал рвачей и казнокрадов эпохи. Ухов поддакивал, что раньше всё было иначе. Дамы сошлись на любви к хозяйству и вопросах воспитания детей. Киселёвы ушли от Уховых с убеждением, что лучшей пары сыну и не пожелаешь. Вот только никто не ожидал, что заявление дети подадут, едва только девушке исполнится восемнадцать. Эту поспешность молодые объяснили обычным желанием жить вместе и любить друг друга, не опасаясь нежелательных беременностей и прочего, что может сопровождать отношения влюблённых.

Сразу после свадьбы молодые поехали в двухкомнатную квартиру Киселёвых-старших, когда-то приобретённую именно для сыновей. Она была на улице Революции – шумной и не такой облагороженной, как Центральная, но зато всего в двух кварталах от дома, где жили Уховы. Получая от отца ключи, Миша громко уверил всех, что долго в квартирантах ходить не будет.

Через семь лет, двадцать второго июня две тысячи тринадцатого года, Миша вышел на работу всё из той же родительской квартиры. На улице висела серая мгла, схожая с той, что поселилась в душе молодого мужчины уже давно. Его угнетала детская беспомощность супруги перед малейшей проблемой, и хотелось, чтобы Настя сама могла решать вопросы с водопроводчиками, продуктами, мытьём полов и стиркой белья. Она же, словно издеваясь, ждала мужа с работы, чтобы разделить с ним все свои обязанности. Борщ они варили вместе. Ковры пылесосили сообща. И даже комплект нового постельного белья поехали покупать в «Икею» в выходной, когда Мише хотелось понежиться в постели подольше. Чем занималась жена, оставаясь дома целыми днями, для Миши было загадкой. За годы замужества она не научилась даже готовить. Суши-бары и рестораны высасывали из семейного бюджета все те деньги, которые молодые могли бы сэкономить для покупки собственного жилья. Но уговоры по этому поводу на Настю не действовали. На каждый упрёк у неё был свой капризный ответ, и слёзы из ее глаз лились с такой же лёгкостью, с какой срывались с губ Миши эти самые упрёки. В диссонансе

с собой Киселёв пристрастился к спиртному – сначала по пятницам, в конце рабочей недели, затем всё регулярнее, – а с Настей стал вспыльчивым и даже агрессивным.

Анатолию, способному убить за своих девочек любого, про поведение зятя ничего не говорили. Но, как бы ни скрывали дочь и мать истинное положение вещей, как ни старалась Раиса внушить зятю, что «её Настенька не может работать, она ведь такая уязвимая, и её так легко обидеть», супружеский союз молодых Киселёвых разваливался. А в две тысячи десятом Настя и вовсе ушла жить к Ивановым.

За тот месяц, что её не было дома, Миша не раз успел напиться, мотнуть налево и потратить такую уйму денег, что им с Настей точно хватило бы на полгода. В супружеской квартире без жены гулял ветер, а в высоких потолках отзывалось эхо. Киселёв-младший боялся тишины и одиночества. Он так привык к нытью и стонам жены, что даже заскучал по ним. Нет, всё-таки ссориться с ней, а потом мириться и дня два-три ворковать друг над другом, – это грело. Позвонив жене, Миша попросил её вернуться и пообещал, что отныне всё у них будет нормально.

Нормально не стало: ссорились супруги часто и даже по пустякам, а недавно, как раз перед тем, как Настя упала с табурета, они поругались и вовсе нешуточно. Началось с того, что, придя домой после работы, Миша увидел, что Настя спит, и устроил скандал. Как можно было спать в восьмом часу вечера? И если это от усталости, то где же тогда ужин? Почему в квартире бардак и по ней бродят какие-то котята? Животных было три. Все они имели жалкий вид: тощие, запуганные, один – с вытекшим глазом. На кухне стояли для них три блюда с молоком из дорогого родительского чайного сервиза. Разбудив жену, Миша потребовал объяснений. Настя ударилась в плач, объясняя, что ездила за брошенными котятами, потом мыла их, возила к ветеринару. Завтра она планировала отвезти сирот в приёмник для животных и даже попросила у мужа две тысячи рублей – на прививки и такси. Это стало последней каплей: Миша схватил Настю и выставил за дверь, в чём была. Следом выкинул приёмшей.

Обливаясь слезами, Настя пришла с котятами к родителям. Анатолия в тот вечер долго не было дома. Раиса только что вернулась от Сюзанны и, безусловно, приняла «бедное дитя». Подкидыши составили весёлую компанию Глазастик. Пришедшему Анатолию про возвращение дочери ничего не сказали. Но, увидев следующей ночью в коридоре вереницу котят, он схватился за сердце, думая, что у него белая горячка. Впрочем, когда животные, уже обвыкшись, спокойно приблизились и стали тереться о его ноги, пьяный человек всё же сообразил, что вряд ли галлюцинации способны материализовываться. Схватив одного из котят, того самого, с вытекшим глазом, Ухов заорал, требуя от жены объяснений. От его крика звери попрятались, а люди, наоборот, явились на глаза. Полусонная Раиса зашикала и зашипела на мужа: Настя, накормленная матерью успокоительными, только что уснула.

– Чего ты орёшь? Дай! – котёнок перекочевал в женские руки. – Это Настин.

– Откуда «настин»? – Анатолий держал котёнка в руке как гранату-лимонку – за спинку. Раиса забрала «трофей» ласковым жестом.

– От верблюда. Она подобрала их три дня назад в Автономии, на озере. Хотела пристроить, а этого никто не берёт. Видишь же, он инвалид... – Раиса нежно подула котёнку в мордочку. Он пискнул и стал жмурить единственный глазик.

– А этих берут? – Анатолий оглянулся, но котят в коридоре уже не было. Мужчине стало не по себе: он снова подумал, что пора снижать порции спиртного.

– Хорош басить, говорю, – приказала жена. – Двух мы уже почти определили. Остался только вот этот. Ну и пусть остаётся у Глазастика в друзьях. У одного левый глаз не видит, у другого правого нет. А что? – Раиса смотрела в мордочку котёнка с прежним умилением, поэтому от очередного вскрика мужа вздрогнула.

– Да ничего! Собрали тут команду Флинтв...

– Чего-о? – незнакомое имя показалось женщине оскорбительным. Кота она на всякий случай спрятала за спину.

– Вот ты дура! Стивенсона нужно было в молодости читать! – От нового незнакомого словечка Раиса сузила глаза. Анатолий понял, что лучше сбавить тон. – Развели тут приют, – проворчал он, – не дом, а богоугодное заведение.

– При чём тут церковь? – Раиса покрутила пальцем у виска и махнула мужу к двери зала: – Иди проспись. Завтра поговорим.

Про то, что такое богоугодное заведение, супруга была тоже не в курсе. Почёсывая то пузо, то шею, Ухов вразвалку скрылся в своей комнате. Во сне ему в эту ночь мерещились то одноглазый кот, то жена в ошейнике, а под утро он и вовсе увидел всех своих родных и близких, включая и умерших родителей, в гипсе и на колясках.

– Шобы вечером этого уroda в доме не было! Иначе я скину его с последнего этажа, – потребовал Анатолий утром, как компенсацию за «моральный ущерб». – И Насте скажи, чтобы не задерживалась у нас.

Не желая обострять и без того непростую ситуацию, Раиса обещала подумать, куда пристроить животное. И про то, как помирить Настю с супругом – ей тоже стоило поразмыслить, иначе тем «непредвиденным случаем», для которого мать старательно откладывала деньги, станут нужды дочери, а не её. В результате месяц спустя, всё в тот же пасмурный день двадцать второго июня, маленький одноглазик с энтузиазмом прыгал по женской спальне, соревнуясь в резвости со старшим товарищем. Да и о возвращении Насти к мужу тоже речь не шла...

– Отдай мне его, пожалуйста, – забрала Настя котёнка. Мари, вернувшись из кухни, всё же спросила у Веры про отпуск. Иванова стала рассказывать про Азов.

– У нас там такая компашка весёлая! Жаль, Настя, что ты не сможешь с нами поехать. Отвлеклась бы.

– Ты что? Я не пью, не курю, рыбу не люблю, про лошадей вообще молчу... А у тебя кто-то есть?

Переход на столь личный вопрос был неожиданным. Вера покосилась на Мари, уже усевшуюся за компьютер, и неопределённо пожала плечами:

– Это зависит от ситуации... – Полнота её с возрастом ушла, но волосы, заколотые наверх, открывали совсем не тонкую шею. Крупные руки и ноги тоже не стройнили. Одевалась Вера так, чтобы выглядеть «независимой и деловой». – Зачем мне кто-то, если я сама себя способна обеспечить? Лучше одной, – ответила она.

– Одной – трудно, – Настя вздохнула.

Котёнок раскрыл пасть и зевнул.

– Как назвали-то это чудо?

– Флинт. Папашка придумал.

– Дядя Толя? Ну да, прикольно, – родители Веры не соглашались на животных в доме: у Кати была аллергия даже на рыбий корм, а с неаллергенной собакой возня ещё та: гуляй, лапы мой, таскай на тренинги... Девушка почесала малышу спинку. Котёнок развернулся на коленях Насти и, подставив живот, вытянулся, позёвывая. Вера рассмеялась.

На глазах Насти выступили слёзы:

– Вот видишь, даже ему нужна компания.

– Такая компания, как у тебя, – даром не нужна. И вообще: если бы не твои родители... – Вера смотрела, требуя продолжения. Щёки Насти порозовели. Было во взгляде подруги что-то совсем не женское. Так смотрят порой мужчины, которые ждут откровенного признания.

– Не знаю.

– Всё ты, Настя, знаешь. Просто говорить об этом не хочешь. Я-то прекрасно помню, как тебя выдавали замуж.

– Я тоже помню, – вдруг подала голос Мари, уже усевшись за компьютер.

Собеседницы удивлённо повернули головы.

– Не придумывай, мелочь!

– Тебе тогда всего ничего было...

Но Мари смотрела уверенным взглядом:

– Настя, мне было пять лет, и я прекрасно помню, как Вера тебе говорила: «Ты ещё жизни не видела. Поживи для себя».

И без того широко раскрытые глаза Ивановой превратились в блюдца:

– Да ладно! Ты помнишь это?!!

14

2006. Лето

Первые признаки психосоматических болей появились у Насти ещё весной две тысячи второго. Обычные циклические проявления начались тогда у четырнадцатилетней девушки в необычной форме. Обильные выделения и боли, отрывающие нижнюю часть тела от верхней, заталкивали глубже под одеяло. Какой тут теннис! Если бы ещё такое понимали все... Страх перед отцом, заявлявшим, что «все бабы с «этим» живут», заставлял дрожать перед каждым объяснением по поводу пропущенных тренировок. Ускользящая мечта видеть дочь на знаменитых турнирах была для Ухова не менее трагична, чем утекающие из кармана деньги. К четырнадцати годам Настя, несмотря на прогнозы тренера, не выиграла ни одного матча. Тренер имел на это свои объяснения:

– Анатолий Михайлович, если бы она на спаррингах хоть раз сыграла так, как играет на тренировках... Эх, да что там говорить! – Про то, что в своей возрастной категории Настя была едва ли не самой слабой по всем скоростно-силовым показателям, Саня даже не заикался.

Завлекая детей и родителей перспективами большого спорта, мало кто из современных тренеров заботился о развитии тех самых базовых качеств спортсмена, что составляли основу любого движения. Старая советская школа, в которой любого начинающего спортсмена по году, а то и больше, держали на ОФП, ушла. На смену ей пришли театральные мизансцены с просмотрами для родителей. Вряд ли можно впечатлить богатенького папашку обычным кувырком вперёд или даже назад, полным шпагатом, хорошо выполненным тройным прыжком в длину. Зато как загорались глаза предков, ошарашенных видом своих чад в эффектных позах на приёме мяча, в броске в ворота, в поддержке или, скажем, в удачно исполненном пируэте на льду! Да и молодые спортсмены, надёргав знаний из компьютеров, хотели всего и сразу, и лучше под сумасшедший контракт. Разрушительная власть денег неумолимо и надолго проникла и в спорт. Тренеры советской спортивной школы, не умевшие «шельмовать», уходили работать грузчиками, продавцами, кем угодно, лишь бы заработать побольше. А на стадионах, в залах, в клубах и на кортах приживались молодые и шустрые дельцы от спорта, понявшие одну, но простую истину: движение – это жизнь. И чтобы жизнь была обеспеченной, нужно обеспечить движение таким образом, чтобы оно спонсировалось.

Вот почему Саня, в принципе неплохой тренер и даже неплохой педагог, продал душу тому дьяволу, что зовётся «Мамона», и вместо того, чтобы тренировать молодёжь, «натаскивал» её. Кое-как поставив Насте удар и объяснив основы техники приёма, дальше он занимался обычным тренингом, разница которого с полноценной тренировкой была как раз-таки в отсутствии основных упражнений по физвоспитанию. Оставалось непонятным, за счёт чего хрупкая и малоподвижная Настя могла перекидывать через сетку мячи, крутить реверсы и отбивать мощные подачи, но именно эти её способности внушали родителям доверие. Про гибкость, выносливость и взрывные качества ни Анатолий, ни тем более Раиса никакого понятия не имели. По их мнению, у их девочки было всё, чтобы нравиться и быть замеченной: красивое лицо, роскошная коса, прекрасная фигурка, дорогая форма, фирменная ракетка, привлекательные жесты и позы, усвоенные быстрее всего, а главное – желание их, родителей, довести её до уровня звезды. А психологический фон – что про него вообще говорить? «Баба есть баба. Истерит. Безусловно, тренеру виднее, в чём проблема». Так думал Ухов и орал на соревнованиях на весь корт:

– Что у тебя, Настя, говно течёт по ляхам?

– Соberись! Двигайся по площадке! Чего стоишь как мумия? – требовала и Раиса. Ей тоже давно уже снились престижные турниры, трибуны V.I.P., и она, в шляпе с полями и больших солнцезащитных очках, под прицелом телекамер. Девочка, стыдясь за такое «спортив-

ное» поведение родителей, бросала ракетку и убегала со слезами. Раиса неслась в раздевалку утешать дочь. Анатолий спешил на корт подбирать дорогой спортивный инвентарь. По дороге домой Уховы, невзирая на спящую в колыбельке Мари, орали в машине, обвиняя друг друга в мужском деспотизме и женской тупости.

Чувствуя себя виноватой в происходящем, Настя хотела даже изуродовать себя, чтобы больше не ходить на теннис. Однажды, от отчаяния, она призналась в этом матери. От ужаса Раиса бросила стряпню в кухне и уставилась на дочь, словно увидела впервые. Только теперь женщине, закрученной с годовалой младшей и переставшей обращать внимание на старшую, стали заметны непроходящие синяки под глазами ребёнка, дрожащие губы, руки, нервно крутящиеся волосы, обкусанные ногти, быстро появляющиеся слёзы на глазах.

– Настенька, у тебя что-то болит? – материнский инстинкт брал верх над всяким другим. Настя беспомощно положила ладони на шею и подняла на мать полные слёз глаза. – Шея? Давно? Так почему же ты ничего не говоришь? Этого же нельзя запускать!

Поток материнской заботы полился каскадом, и Раиса бросилась в пучину обследований, консультаций с ортопедами, ревматологами, нейрохирургами. Настя была согласна на что угодно, лишь бы не ходить на тренировки. Выплакав у очередного врача справку, Раиса приказным тоном объявила мужу о том, что дочь бросает теннис. Окончательно! Навсегда! Изза... «дископатии межпозвоночных дисков». Для убедительности жена подсунула мужу под нос снимки магнитно-резонансной томографии и рентгена сомнительного качества, на которых врачи, по просьбе Раисы, что-то отметили цветными ручками. Мало что понимая в медицине, Ухов поорал в первый день, пошумел во второй, повздыхал ещё неделю, после чего о теннисе как о перспективе капиталовложения в пенсионное страхование было забыто.

– Ладно... Не можешь играть – учишься. Но только чтобы никаких проблем с поступлением на технологический факультет не было! – предупредил он. Он уже в две тысячи втором знал, куда отправить дочь учиться через три года. Настя покорно кивнула и удалилась в спальню. С той поры она поняла, что на материнской жалости можно «прокатить» всегда.

Поступив в университет в две тысячи пятом году, ближе к зиме Настя втянулась в учебный процесс. Раиса только радовалась, что глаза дочери поблёскивают и ей нравится один мальчик старше её.

– Это прекрасно! – искренне восхищалась мать. – Может, и он на тебя обратит внимание. Ты ведь у нас такая красавица!

Настя и в самом деле была хороша собой: тоненькая, глазастая, с нежной кожей и миниатюрными запястьями и щиколотками. Внимание ребят привлекали длинные распущенные волосы, прихваченные заколками по бокам. Научившись в теннисе грации, девушка умела так изящно мотнуть головой, что окружающих обдавало исходящими от неё ароматами хороших духов и девичьей свежести. Раиса одевала девочек себе под стать: дорого, со вкусом, неизбито. Информация о родителях Миши явилась для неё мёдом, и в этой связи пришлось «сделать мужу значительное внушение»:

– Девочка общается с ребятами из семей высокопоставленных чиновников! Неужели же ты не понимаешь, что ей необходимо выглядеть соответствующе?

Ухов такое понимал. Кому, как не ему, было хорошо известно, что в новом демократическом обществе о людях судят по марке машины, друзей подбирают по успехам в бизнесе, рождаются преимущественно капиталами. Потуже затянув пояс, Анатолий пообещал выдавать жене нужные субсидии для дочери. Знакомство со старшими Киселёвыми в новом, две тысячи шестом году стало только стимулом: Раисе – для выдочки из мужа ещё больших денег, Анатолию – для похода в банк за новым кредитом. Вот уже три года как Ухов переквалифицировался на транспортную логистику. Не имея соответствующего образования, связей, необходимого капитала, он приобрёл нужное оборудование и стал загружать чужие грузовики. Успех в делах позволил Уховым с размахом отметить в июле две тысячи шестого совершеннолетие старшей

дочери, закатив по этому поводу шикарный «пикник» на природе. Английскому «перекусу на свежем воздухе» придали русский колорит, приготовив для гостей и первое, и второе, и третье. Алкоголь в счёт не шёл.

Арендовав на три дня дом в пригороде Южного, Уховы пригласили на праздник самых близких и дорогих людей. В их числе были, безусловно, и родители Миши. Всё продумав и устроив «комильфо», Раиса нервно докладывала Сюзанне обстановку. Та ради дочери любимой подружки выложилась «на все двести», беспрестанно советуя, предлагая, заставляя выворачивать карманы то на салфетки в тон, то на букеты для оформления стола, то на изысканные вина и блюда. Карты ресторанов были пересмотрены с особой тщательностью, рецепты предлагаемых блюд выверены до последней специи, а выдержанные вина из погребов продегустированы лично. За месяц подготовки праздника подружки едва не спились, а от разнообразия ингредиентов в салатах и десертах маму именинницы, привыкшую к диетам всякого рода, тошнило заранее.

И всё же перед самым торжеством Уховы волновались: вдруг что-то не понравится людям, привыкшим жить и работать в среде высоких административных чиновников? Про то, как живут Киселёвы, Уховы только слышали от дочери. Но Настю так часто заносило в суждениях, что доверять характеристике «у них ничего лишнего» не стоило. Поэтому Раиса продумала любую мелочь, заранее запасаясь терпением сама и строжайше наказав сдерживаться Анатолию.

«Смотрины» прошли прекрасно. Разъезжались из загородного поместья, планируя вскоре новую встречу, которая не заставила себя ждать: в августе Миша и Настя подали заявление в ЗАГС.

15

2006. Осень

Дата свадьбы – двадцатое сентября – совпала с днём рождения Миши. Возможно, он так решил, чтобы не оказываться в трудной ситуации запямятовавшего мужа, или чтобы не тратиться на лишний праздничный день. Для Насти что походы по бутикам в поисках платья, что вопросы о самой свадьбе казались какой-то игрой, в которой её пригласили поучаствовать. Она радовалась, что мама, увлечённая тем, чтобы её дочь была самой красивой невестой, перестала думать о Мари, а отец стал ежедневно бриться и даже на время бросил пить. Ей нравилось, как достойно она будет выглядеть в глазах родных и друзей, которым сообщат наконец, кто такой отец Миши. Пока даже Сюзанне Вадим был представлен как «человек из городской администрации». Наконец-то хотелось получить и физическое удовлетворение от близости с любимым. То, что уже произошло пару раз, наспех, в темноте, Настю никак не впечатлило: Миша оба раза жутко потел, сопел, как вытяжка над плитой, суетливо трогал руками то, куда, по мнению Насти, нужно было лезть совсем другим, и уставал, едва начав то, чего так хотел.

– Вот увидишь, всё будет хорошо. Тут просто не те условия... – жених стыдливо заглаживал вину поцелуями – единственным, в чём он преуспел. Настя кивала и ерошила ему волосы, смущая и раздражая подобным снисхождением. После второго неудачного соития Миша решил оставить все попытки сблизиться до свадьбы. Потому он и торопился, потому и требовал от родителей «условий» для будущей семейной жизни.

– Конечно, сынок, не по съёмным же квартирам вам скитаться, – в один голос соглашались родители Киселёвы. – Поживёте пока в нашей квартире, а потом сами себе всё устроите. Пусть Настенька сначала институт закончит, начнёт работать. Разве ж мы не понимаем?

– Они у тебя классные! – восхищалась новостями Настя.

Хорошие отношения со свёкрами радовали девушку. А Мишу радовало то, что Раиса оказалась заботливой мамой, а Анатолий – достойным и уважаемым отцом семейства. Про неудачи Ухова в бизнесе никто из будущих родственников не знал. При встречах он увлечённо рассказывал о том, как правит делами и виртуозно избегает неудач. Кризис, поднятие цен на бензин и долги в банке не упоминались.

– Зачем эта пыль в глаза? – недоумевала Катя, рассуждая о соседях с мужем.

– Ты не понимаешь, что это их принцип жизни: быть не как все, а лучше! Так что не осуждай... – Егор, прекрасно знавший, какими трудами другу удаётся держать фирму на плаву, любил Уховых без всяких условностей или двоякости. А что до их манерности – так и что? В каждой избушке свои погремушки, а в каждой голове ветер дует по-разному. Примерно так говорила их Вера, объясняя ту или иную проблему общества.

– Что ты, Егор, разве я осуждаю? Но зачем лезть вон из кожи, устраивая всё на бегу? Создаётся такое впечатление, что Раиса с Анатолием торопятся отдать Настю замуж, словно ей уже тридцать пять, а не восемнадцать.

– Может, обстоятельства... От того и торопятся. И вообще, чего туда лезть? Лишь бы молодым нравилось.

Молодым, разумеется, нравилось. Условия, которые создавались для них, подкупали, интерес, возникший к их персонам, был приятен, а денежные вложения и обещание поселить их в отдельной квартире умиляли. Настя думала, что так бывает со всеми, вступающими в брак.

Перед днём свадьбы, по новым традициям, занесённым в страну ветром издалека, решили устроить девичник и мальчишник. У Антона не было недостатка идей, как развлечь брата так, чтобы тот надолго запомнил этот день. Настя же с трудом представляла, что это за междусобойчик, на который хочешь не хочешь, а надо идти. За организацию праздника для девушек взялась Вера. Деловая, энергичная, явный лидер во всякой компании, она завершила

растерянную Настю, что девичник состоится. Правда, для самой Веры казалось сомнительным то настроение, с которым подруга детства вступала в семейную жизнь.

Узнав от родителей о свадьбе подруги всего за неделю до неё, Вера понеслась к ней без промедления и пристально уставилась на мятый халат соседки. Настя под взглядом её тёмно-синих глаз заморгала близоруко и растерянно:

– Это совсем не то, что ты могла бы подумать. Проходи, есть компот, мама наварила. Хочешь?

Вера отрицательно покачала головой, немного резко и, как показалось Насте, раздражённо:

– Надеюсь... Потому что если бы это было «то» – «думать» тут было бы нечего. К счастью, аборт сегодня делают на ранних сроках и без устрашающих диагнозов вроде бесплодия. – О любой проблеме Вера говорила просто и прямо. Дочери Ивановых через полгода уже исполнялось двадцать. Теоретические знания о мужчинах подтверждались небогатой личной практикой и рассказами подруг или сюжетами кинофильмов.

Иванова прошла, села в спальне на кровать, на ходу махнув пятилетней Мари, игравшей на застеклённой лоджии в детский компьютер. Глядя на смелую Веру, Настя оперлась на косяк двери.

– Вер, а как ты думаешь, что испытываешь, когда любишь? – глаза невесты блуждали, голос звучал осторожно.

– Настя, а может, тебе не стоит пока замуж идти, а? – Вера встала с кровати, подошла к подруге и обняла. В её руках было тепло, надёжно. Настя почувствовала близость слёз. – На фига тебе завязываться с этими свадьбами, женитьбами? Пожила бы пока без всякой маеты. Ты ведь и жизни-то совсем не знаешь! – Вера одной рукой прижимала к себе вздрагивающую Настю, другой гладила её волосы. Настя вырваться из крепких объятий подруги не торопилась. От Веры приятно пахло тем травяным шампунем, которым Настя мылась, когда жила у Ивановых пять лет назад до отъезда в Испанию. На мгновение показалось, что если остаться так подольше, то и вправду отпадёт необходимость через несколько дней идти под венец. Теперь замужество казалось обязывающим к чему-то, к чему Настя не была готова.

– Мама, а что, если я Мишу не люблю? – спросила она вечером того же дня у Раисы, разбирающей сумки на кухне. Она весь день пробегала с Сюзанной по брачным салонам в поисках венца из живого флёр-д'оранжа. В магазинах предлагали пошлые розы из шифона, атласные гвоздики, латексные фиалки, но живых цветов оранжевого дерева, символа целомудрия невесты, женщины так и не нашли. Вытащив из пакета красивую подвязку на ногу, Раиса протянула её дочери, не отвечая на вопрос:

– Смотри, какая прелесть. Между прочим, настоящее французское кружево – оттуда! – любое упоминание о Франции было для неё живой водой. – А вот тут – настоящая жемчужинка, – Раиса раздвинула три декоративных розочки, пришитые на атласную ленту, показывая бусинку.

На глазах Насти появились слёзы:

– Мама, зачем мне всё это? А вдруг я Мишу совсем не люблю?

Под столом пискнул Глазастик; Раиса нечаянно наступила ему на хвост. Махнув на кота, она, похоже, наконец поняла вопрос, потому что растерянно взглянула на дочь. Руки матери задрожали. Подвязка соскользнула на стол и мгновенно стала красной: в ожидании супруги Анатолий делал себе бутерброд с кетчупом и колбасой, и, не заметив кляксы, оставленной на столе, ушёл жевать к телевизору.

– Да едри твою мать!!! – заорала Раиса так, словно обрушился потолок, и, выхватив подвязку из томатного соуса, понеслась в раковине. Глазастик кинулся прочь из кухни в конец коридора, где ему был отведён угол. Из зала на крик прибежали перепуганный Ухов и следом Мари, оторвавшаяся от телеприставки с мультяшками Диснея. Вид разъярённой Раисы, с

остервенением и безуспешно пробующей очистить белоснежное кружево Шантильи, и Насти, по щекам которой текли слёзы, вызвали у Анатолия длинный ряд ругательств, осуждающих безрукость жены и беспомощность дочери.

– Мамочка, Настенька, не надо плакать, – прошептала пятилетняя девочка. – Завтра папа купит Насте новый бантик.

– И только пусть попробует не купить! – шипела Раиса. – А ты прекрати мне тут устраивать истерики: люблю, не люблю... Где ты ещё найдёшь такого...? – Женщина еле сдержалась, чтобы не сказать дурака. Бросив подвязку в раковину, она махом вытерла кетчуп со стола кухонным полотенцем, им же утёрла слёзы дочери. Задержав воздух в лёгких и закрыв глаза, как учили на йоге, куда они с Сюзанной записались с весны, она через несколько секунд выдохнула его струйкой и уже спокойно произнесла: – Доченька, всё будет прекрасно, вот увидишь. Это обычный психоз невесты. У всех такое бывает. Свадьба уже через неделю, и ничего поменять теперь нельзя: машины заказаны, ресторан зарезервирован, гости приглашены... – Упав на диван за столом, Раиса не уговаривала, а нумеровала условия, как хороший туроператор, продавший дорогой билет в другой конец света: – Нет, я ничего отменять не буду, не стоит издеваться над людьми. Да и зачем? У тебя будет хороший муж, своя квартира. Ты же видишь: тут у нас уже совсем негде стало жить...

Мать рассуждала безо всякого сострадания или участия, на которые рассчитывала дочь. Гнев хозяйки дома иссяк, уступив место дикой усталости. Хотелось лечь, вытянуть ноги, и чтобы кто-то погладил стопы мягкими тёплыми руками, как иногда делала Сюзанна, когда Раиса прибегала к подруге после базара. Под убаюкивающий голос матери все молчали, тоже постепенно успокаиваясь. Только Настя всхлипывала, в глубине души ощущая вину за принесённые волнения. Мари кивала, соображая, можно ли уже убежать снова смотреть мультики или для порядка пока постоять. Анатолий, глядя на своих девочек, покрутил молча пальцем у виска и пошёл к себе в комнату.

– Раиса, между прочим, уже ужин, – напомнил он на всякий случай перед тем, как закрыть поплотнее дверь.

– Господи, когда ты уже нажрёшься? – прошептала женщина, но ту же осеклась: девочки смотрели на неё. – Я хотела сказать наешься, – поправила она, указывая дочерям на дверь из кухни.

Три любимых Уховым женщины одновременно шумно выдохнули, понимая, как всё в жизни непросто.

16

В июле две тысячи тринадцатого с Насти наконец-то сняли все ортопедические повязки, оставив только «хомут» на случай, если заболит шея. Лето тянулось нескончаемо, и дочь продолжала жить у родителей. Миша несколько раз за месяц звонил, приходил навещать больную жену и, уходя, всякий раз напоминал, что, как только Настя выздоровеет, ей придётся искать работу. Месяц назад Вадим Николаевич свалился с высоким давлением и, отсидев три недели на больничном, подумывал о переходе на полставки. Мария Ивановна, всерьёз обеспокоенная рекомендациями терапевта краевого кардиоцентра, объявила мужу, что для неё самое главное в жизни – чтобы Вадим был в добром здравии.

– Вот лето отработаю, всё равно ведь отпуск не дадут, а там – посмотрим. – Киселёву-старшему и самому было себя жалко. За те небольшие деньги, что он получал в мэрии, не хотелось убиваться до самой пенсии и с полной отдачей. Лучше свободных полдня играть со сватом в теннис или в шахматы, гулять с женой по новой Набережной реки Южной, по Центральной или вовсе сгруппировать свои рабочие часы на первые дни недели, а во второй её половине копать в грядках на даче. К работе на земле Киселёвы пристрастились давно, и с умилением наблюдали каждый сезон, как зрели на кустах помидоры и огурцы, всходил укроп, кучерявилась петрушка, краснела клубника, а дом обвивали ползучие розовые кустарники.

– Ты, Миша, должен объяснить Настеньке, что нам теперь совсем не помешают лишние деньги, – намекнула мать сыну. Сдача в аренду квартиры в центре города действительно могла бы стать хорошим подспорьем в родительском бюджете. Теперь по ночам Мише часто не спалось. Было стыдно за то, что за семь лет он так ничего и не приобрёл. Он злился на себя, ещё больше – на Настю. Постоянные жалобы жены на недомогание расстраивали больше, чем ее неспособность к быту. Подарив жене на двадцатипятилетие айфон, Миша напомнил, что он нужен для поиска работы, а не для фотографирования всяких там брошенных заморышей.

Заказанный столик в ресторане, цветы и подарочный чек с тремя нулями на приобретение в любимом итальянском бутике чего-то из новой коллекции в счёт не шли и особой радости имениннице не доставили. Настя с детства привыкла к тому, что у неё есть всё необходимое. Какая разница, каким трудом это достаётся близким? А чтобы самой оценить усилия, затраченные на заработки, необходимо было хотя бы месяц поработать и получить первую зарплату. Но так как работать – трудно и ответственно, молодая супруга избегала ответственности любой ценой.

– Миша, я не смогу работать. У меня жутко болит шея. Так болит, что я голову нагнуть не могу. – Настя пробовала наклониться и тут же корчилась, как от удара электрическим током. Её ладони уже привычно обвивали шею, на глазах появлялись слёзы.

– Что, так больно? – Миша видел, что жена вряд ли притворяется.

Настя стонала:

– А ты думал? Это только папе кажется, что я сумасшедшая. Помнишь эту историю?

Миша усмехался. Ещё бы! Тёща пересказала её всем...

День рождения Анатолия с некоторых пор не праздновали и не готовились к нему. В тот день Егор зашёл к другу в гости уже под вечер. Тот пил в зале один. Мужчины быстро стогнали в магазин за съестным, поставили в духовку жариться колбаски и попросили Настю, доехавшую до кухни на каталке, присмотреть за ними. В результате колбаски сгорели, так как девушка про поручение тут же забыла. Взбешенный Анатолий отругал дочь, обзвав её дурой и даже ненормальной. Вернувшись домой поздно вечером и узнав обо всём этом от плачущей дочери, Раиса пришла в ярость. Скидывая в зале со стульев развешенные вещи мужа, она схватила

телефон, чтобы пожаловаться Кате на Егора. Не застав соседей, Ухова бросила трубку на пол и выскочила из квартиры.

Анатолий, жестом, словно толкнув жену подальше, закрыл дверь поплотнее и полез на корточках за кресло, куда трубка проскользнула по паркету, как шайба. Большой живот не позволял мужчине обогнуть широкое сиденье и, изогнувшись как смог, он, кряхтя, принялся шарить за креслом рукой. Прежде чем нащупать трубку, Ухов вытащил из-под кресла сначала свою майку. Пролежав на полу незнамо сколько, она была похожа на плюшевую игрушку – столько на неё прилипло комочков пыли.

– Хозяйка, мать твою ё...! – выругался Анатолий, схватив наконец телефон и пятясь задом. – Совсем уже стыд потеряла: хоть бы раз в месяц тут пылесосила!

Навести порядок в комнате самому Ухову даже не приходило в голову. С детства ему было внушено, что такое мужской труд, а что такое женский, а понятие о мужском достоинстве, о каком часто когда-то говорил его отец, оправдывало любое поведение. Напился? И что? Мужчина! Не бабам же пьяными мотаться... Дома холодильник пустой, а он весь день на машине непонятно где разезжает? Снова промах со стороны Раисы – надо было ему «отэсэмэсить», что купить, и проблема была бы решена. Он ведь не обязан следить за хозяйством! Детьми никогда не занимался? Сказки там, почитать, полепить из пластилина, сходить в театр... И что такого? Мать для того и есть, чтобы воспитывать. И вообще, в природе ни одно животное не нянькается с потомством до зрелого возраста. Вскормили, на ноги поставили, и – вперёд! Плывите, бегите, летите... Как говорится: «Кошка бросила котят, пусть е..тся как хотят». Любимую поговорку Ухов вспоминал довольно часто.

Страхнув с майки пыль, он понюхал её, осмотрел, ещё раз понюхал, снова бросил на спинку кресла. Трубку телефона брезгливо отёр о длинные шорты, растянутые и изношенные до проплешин в некоторых местах. Затем, не поправляя накидки, он уселся в яму в кожаном диване, которую за десять лет сам же и «пролежал». Последний ремонт Уховы делали ещё перед рождением Мари. Единственное, что было переделано уже после, так это лоджия в женской спальне. Чтобы увеличить комнату, там разрушили несущую перегородку, перевесили батарею, утеплили стены. За счёт этих перестроек у младшей дочери появилось своё место для игр, куда после кукол и домиков Барби перекочевала сначала маленькая парта, потом стол побольше, затем бюро с ноутбуком и электронными гаджетами. Бюро Раисы, с обычным компьютером, стояло в ногах её широкой кровати.

На другой день Ухова всё-таки дозвонилась соседке. Иванова посоветовала подруге не обращать внимания на пьяных мужчин, пообещала поговорить с мужем и, в завершение разговора, сама расплакалась: Егор на днях подписал бухгалтеру фирмы бумагу, по которой его зарплату получала Вера.

– Стыд да и только, Раиса! А что делать? Он ведь любой калым в автоматы уносит. Если бы не мои приработки и не зарплата Веры, мы бы жили как раньше, ничего себе не позволяя. – Катя плакала тихо, без эмоциональных взрывов, как это случалось у подруги. Говорил ли Егор, что задерживается на работе, досадовал ли, что «сорвался левак», – Катя во всём теперь сомневалась. Она начала припрятывать деньги, тайно от мужа завела личный банковский счет. По совету сотрудниц, столкнувшихся в семьях с проблемой «несунов», она вкладывала сбережения в валюту и золотые вещи и даже подумывала о покупке однокомнатной квартиры для Веры в ипотеку: начальный капитал у дочери на счету уже был. И всё верила, верила, верила... что однажды Егор одумается, и они станут жить как раньше – в любви и согласии. Ведь мог же он справиться со своей слабостью во время отпуска в Юрмале или в Турции? Почему же тогда не «завязать» насовсем?

Даже если бы Катя понимала до конца проблему мужа, вряд ли она могла чем-то помочь ему. Лечиться от игровой зависимости было негде. Это вам не алкоголизм, для лечения которого понастроили массу частных вырезвителей и лечебниц. А чтобы ходить по психологам, в

них надо верить. Гипноз? В крае всюду злодействовали шарлатаны, выдающие себя за специалистов по лечению на подкорковом уровне. Самовнушение? Когда Катя думала обо всём этом, руки у нее опускались, но она продолжала надеяться – даже стала регулярно ходить в церковь и молиться. Но пока результатов не было. Раиса, проникшись проблемой соседки, попыталась подключить к этому делу Сюзанну – всезнающую и вездесущую. Но от помощи бабок-ведуний, к которым она посоветовала обратиться в первую очередь, Иванова отказалась...

Настя вспомнила про эти события в ресторане в свой день рождения и пересказала их мужу:

– Тётя Катя такая идейная – в целителей не верит... – Настя обсасывала крылышко курицы, запечённое в меду и под лимонно-соевым соусом, наблюдая за реакцией мужа. Ему Егор казался умным и деловым, Вера практичной и смешной, Катя – легкой по характеру.

– Они точно не хапуги и не мещане, – высказался Миша. – А Катя была «преподом» у нашего Антона, и он всегда её хвалил. Она хорошо налаживает контакт с детьми, и перед их предками не выпендривается. Жаль, что так. Но, к сожалению, сегодня у всех какие-то проблемы в семьях. Так что другим мы не поможем. Нам бы со своими делами разобраться. – Миша уже ополовинил пол бутылки красного и был добродушным. Зная способности мужа глотать во хмелю всё, что льётся, Настя переставила вино на свою сторону и серьёзно свела брови:

– А что тут разбираться? Мама сказала, что мне, возможно, понадобится операция по замене дисков.

– Что?! – Миша нахмурился; обидно было бы уйти, не допив сухое марочное, за которое отдал немало. – Какая операция? Почему операция? И потом, твоя мама не хирург, откуда такой диагноз?

Настя нежно накрыла руку мужа своей и, посмотрев ласково, принялась объяснять.

После падения с табурета Ухова насильно потащила Настю к... иглорефлексотерапевту. Он говорил тихо, с придыханием, и так расположил к себе девушку, что, выйдя от него, Настя тут же заявила, что шея у неё не болит.

– Слава богу! – Раиса воздела руки к небу. Но радость её была недолгой – через пару дней желание посетить иглотерапевта у Насти повторилось. Мать охотно уступила. Вырвав из бюджета две тысячи монет, она вновь обрадовалась полученному результату. Так постепенно дочь Уховых подседала на сеансы иглотерапии. Врач, неплохо зарабатывающий своим ремеслом, два месяца советовал Раисе, как совмещать физическое воздействие его сеансов с психологическим укреплением фона и «наводить мосты с небесными правителями». Для чего каждый раз выдавал Уховым то один адресок, то другой. Настя охотно моталась по праведным бабушкам, начитывающим молитвенные «обереги», по целителям и психологам. Никто раньше так с ней не разговаривал, никто так внимательно не выслушивал и понять её проблему не пытался. Маме всегда было некогда. Отцу? Он в последнее время стал избегать встреч, чтобы не отказывать прямым просьбам дочери и её слезам.

Когда Раиса поняла эту зависимость, менять что-то было уже поздно. Анатолий, узнав, куда уходят деньги, взорвался кислотным фонтаном:

– Чего? Какое иглоукалывание? Какие ясновидящие? Работать пусть идёт – шея сразу болеть перестанет. А то пристроилась тут... Это у меня должна шея от всех вас болеть, просто отваливаться!

17

2013. Август

Многое поменялось в жизни Анатолия с той поры, как в две тысячи третьем году он, неплохо заработав на загрузках чужих машин, стал собственником передвижной недвижимости. Тут уж никак не получалось совмещать переговоры с потенциальными загрузчиками с потягиванием пива. Заботы срывали с дивана с самого утра: то за ночь на стоянке порезали брезент у прицепа, то в дороге лопнуло колесо, и водитель завис в каком-то Жопкином доле на неопределённый срок, то машину оштрафовали из-за перегруза, то полетело там, то сломалось тут... Ухов терпел все эти издержки только потому, что не хотел сам садиться за руль.

– Что я тогда буду за босс? – оправдывался он перед Раисой за отсутствие денег на покупку новой микроволновки. От злости и отчаяния она отвечала, не щадя:

– А, ну да... А так, глядя на тебя, беззубого и в рваной куртке, сразу скажешь, что ты большой начальник...

– Дура! Ни хера ты в бизнесе не понимаешь! – орал Анатолий, поспешно скрываясь с глаз жены. Закрывшись в зале, он хватался за голову: на одном из тягачей сломалась ось, на втором пора было менять прицеп. Денег на ремонт и покупку не было. Грозил новый кредит, давать который банк не торопился: начиная с две тысячи двенадцатого года сектор малых предприятий в стране медленно, но плавно угасал – фирмы разорялись одна за другой. Безусловно, были среди них и однодневки, созданные лишь для получения льготных кредитов; дельцов и махинаторов хватало. Но больше было тех, кто пытался честно зарабатывать и при этом разорился.

Расширить производство до десяти машин, как когда-то планировал, чтобы можно было латать старые машины не в ущерб новым, регулярно обновлять парк и говорить о рентабельности, осталось для Ухова несбыточной мечтой. При двух машинах его малое предприятие хирело из года в год. Несколько лет подряд Анатолий уговаривал Егора влить капитал в его бизнес, обещая платить ему с оборота до двух тысяч долларов в месяц. Свободных денег не было и у Иванова, но он всегда мог взять кредит на раскрутку: его фирма по-прежнему процветала. Сначала, рассмотрев предоставленный бизнес-план, Егор загорелся идеей. Однако, чем больше он вдавался в подробности работы дальнбойщиков и консультировался со специалистами по перевозкам, тем сомнительнее становилось то, в чём убеждал Ухов. А главное, Катя права, – деньги всегда ссорят людей. Да и уверения друга следить за его машиной, как за своей, не казались убедительными. Видел Егор, в каком состоянии у того и старенький «мерс», и гараж, и квартира.

– Ты, кум, сколько лет уже мечтаешь поменять своего «лупатого»? А не получается. Значит, не так всё просто. И потом, я не люблю рисковать, – отказался Иванов, не юля.

У Анатолия от таких слов губы белели от злости:

– Ну и клей тогда в своей конторе задницу к стулу и пыhti на сороковник фиксированных! Только не жалуйся, что денег нет.

– А у тебя они, что ли, есть?

– Да уж как-никак, а пять лимонов монет по дорогам страны ездит.

В расчётах Анатолий был прав: две его машины легко тянули на указанную сумму, вот только вряд ли он мог их продать, как уверял, «в любой момент». Уже прошли те времена, когда на рынке хватало любой тягач или прицеп, не приглядываясь. Да и кто, как не Ухов, стонал от налогов, такс, постоянно растущих цен на солярку, плохого качества дорог, зверств гаишников... Он беспомощно возмущался, что по-разгильдяйски задерживают погрузку, шофёр «лоханулся», съехав с трассы и пробив колесо, а в другой раз и вовсе откровенно наврал про затор в пути, а на деле гонял машину по «левакам», намотав сотни лишних километров. Из-за подобных накладок и несостыковок все планы по выручке оставались точными только на

бумаге, а на деле в конце месяца доход был «шиш да ни шиша». И о «сороковнике», который получал Иванов «в своей конторе» по минимуму, но стабильно, Ухов мог только мечтать. Вынужденно сокращая семейный бюджет, он то и дело нарывался на скандалы с женой.

Женские аппетиты Раисы росли и росли. Ей хотелось ходить в парикмахерскую, к косметологу и маникюрше, беспрепятственно штурмовать бутики в моменты завоза новых коллекций, а не ожидать унизительно распродаж, на которых всегда то размер не тот, то нужный цвет «ушёл». Обязательными считались обеды с Сюзанной в любимом ресторане на Центральной, где, пуская пыль в глаза, Ухова оставляла по столынику чаевых. Она мечтала развезать по городу на крутой машине, например, в красном кабриолете, какие были у некоторых мам из колледжа, где училась Мари... Да разве можно было перечислить все мечты красивой современной женщины! И как ей было мириться с тем, что из категории людей с достатком её муж скатился в ранг мелких дельцов! У Сюзанны всё прекрасно – у неё вот уже год как появился обеспеченный Кирилл. А у неё что? В разговорах с импозантным Валерием, с которым познакомилась летом по дороге с рынка, Ухова таяла, краснела от собственного кокетства, смеялась тем самым хрустальным смехом, в который когда-то был так влюблён Анатолий, но от встреч отказывалась.

– Стыдно, – признавалась она Сюзанне.

– Да? А мужу твоему не стыдно, что он не может обеспечить своих женщин самым необходимым? Раечка, ты пойми: годы уходят. Ты великолепно выглядишь, но если такую красоту не поддерживать, она увянет... Ты же роза, которую нужно поливать и беречь от ветра! Только тогда с её лепестков можно будет пить по утрам росу. А что ты имеешь со своим Уховым? Десять тысяч бумажек в месяц под нажимом и с требованием «отработать»? Или руки, отрывающиеся от походов на базар? А, вот ещё забыла: «Крутись по дому, воспитывай детей, отведи Мари в школу, заведи из школы, загрузи холодильник, подай вечером неизменную «тарелку», а на свои женские прихоти иди и зарабатывай сама...». Где? Кто и куда тебя возьмёт на работу, если за тридцать лет у тебя нет ни дня рабочего стажа?

От такой картины Раиса рыдала у подруги на плече и ругала мужа последними словами. Потом по нескольку дней не разговаривала с ним, отвечая на вопросы только эсэмэсками, в которых упрекала за «загубленную жизнь».

– Сюзанночка, а если я все-таки снова возьмусь за картины, ты сможешь мне раскрытаться? – смотрела она с мольбой. Возврат к живописи был последней соломинкой, за которую хваталась Раиса. Сюзанна уверяла её, что поможет, и продолжала инструктировать, как должна вести себя женщина, которая хочет во всём преуспеть. На прикроватной тумбочке Уховой появилась «Орфография стервы» – произведение самоуверенного автора, имеющее у некогда пуританских совковых женщин поразительный успех. В книге, где подробное описание минета сопровождалось рекомендациями о том, как правильно захомутать мужчину твоей мечты, каждая страница кричала о том, что такое женское счастье. Прочитав книгу залпом, Ухова поняла, какая она достойная, красивая и роковая, а вот муж...

– Вы всегда с Анатолием были хорошей парой, – пробовала Иванова оспорить новые убеждения подруги. – Он всегда тебя любил. Разве деньги значат больше?

Ухов, по-своему старающийся ради семьи, заслуживал скорее жалости, чем отвращения. Но Раиса презрительно поморщилась:

– Катюша, а ты уверена, что понимаешь, что такое любить? Мы с тобой всю жизнь прожили с передником на пузе и тряпками в руках. А в благодарность имели в лучшем случае куций букет на Восьмое марта или сковородку в подарок на день рождения. Но я больше так не хочу! Я выросла из тех отношений, когда муж – это повелитель и царь. Мне тесно в робе покорённой женщины Востока, которой предлагают к тому же самой идти зарабатывать себе на хлеб. Я хочу другой жизни!

– Какой? – недоуменно спросила Катя. – Я ведь работаю, и ничего. Мне нравится быть на людях, приносить кому-то пользу, радость. И в семье я не считаю зазорным, как ты говоришь, стоять у плиты. А закупаться мы с Егором раз в неделю ездим в супермаркеты. Ты тоже могла бы просить Анатолия возить тебя в магазины, чтобы не бегать каждый день на базар. Не думаю, что он бы тебе отказал...

Раиса, услышав такое, перешла на шипение.

– Знаешь, что, дорогая моя? – ласковое обращение, которыми её речь с некоторых пор изобиловала, теперь звучало с неприязнью. – Не надо меня учить, как жить. Семейное благополучие – это не пироги, которые у тебя прекрасно получаются, чтобы всем раздавать их рецепт... – и тут же Ухова напомнила, что в семье Ивановой тоже давно не всё так радужно, как хотелось бы. – А мне дурно только от одной мысли, что я покажусь на людях с этим грязным чмошником, – продолжала Раиса, прекратив нападки. – Он ведь душ принимает теперь только раз в неделю – ему лень. И месяцами носит носки и майки, не стирая. Тоже лень.

Выставляя мужа неряхой, Ухова бросала камни в свой огород. То, что её муж не был приучен к элементарным домашним делам, знали все. Теперь же, как выяснилось, обычные бытовые обязанности перестала выполнять и сама Раиса. После нескольких попыток поменять новую идеологию соседки, выстроенную на поиске виновного, Иванова зареклась говорить с ней о семейной жизни. Но замечать на лицах Насти и Мари ту же неприязнь к отцу, какая была у подруги, было невыносимо.

– Зачем она всё рушит? – спрашивала Катя мужа с болью в голосе. – Чего добивается?

Егор хмурил брови и уходил курить на балкон, бросив:

– Чего добивается, того и добьётся. – Ему было бесконечно жаль Анатолия, но никак не хотелось нарваться на новые упрёки соседки, не терпящей советов или осуждений. Десять лет в бизнесе привели к тому, что в августе 2013-го Ухов продал «Мерседес», обменяв его на крепкую «Вольво», купленную удачно и недорого. На остаток денег он отремонтировал ось в одном грузовике и выставил на продажу другой, побитый, ремонт которого грозил разорением. Пока машина продавалась, Анатолий пошёл по инстанциям собирать бумаги на новый кредит для новых машин. Насте было сказано, чтобы она перебиралась обратно к Мише и наконец-то взялась за ум.

То лето стало для всех тем переломным моментом, с которого начинается путь к точке невозврата.

18

Съездив в июле в Юрмалу, побывав там на конкурсе КВНщиков и покупавшись в относительно прогретом в том году Балтийском море, Ивановы решили подсобрать на новую машину, и в привычном отдыхе в Турции себе отказали. Но в конце августа Егор проиграл пять тысяч долларов, которые Катя скрупулёзно скупала в банке. Азарт так захлестнул его, что однажды вечером Иванов взял всю сумму из укромного места и поменял по самому невыгодному курсу. Обида и непонимание оказались сильнее любви и терпимости: взбешённая на этот раз не на шутку, жена объявила о разводе. На следующий день она принесла формуляр со списком документов, которые требовалось предоставить для раздела имущества. Увидев бумаги, Иванов испугался: Катя никогда ничего не делала, хорошенько это не обдумав. Он попытался поговорить по горячим следам, давая обещания и даже клятву больше не смотреть в сторону игровых заведений, но жена слушать его не стала и ушла в супружескую спальню, заявив, что отныне это только её комната. Егор перебрался в зал, куда не так давно был куплен добротный раскладной диван с жёстким матрасом. Заходить к маме могла отныне только Вера.

Дочь с детства любила приходить и разговаривать с родителями о разном, поэтому именно её Егор взял в союзники для перемирия. Подговорив знакомую в турагентстве «продать горящую путёвку», он стал уговаривать дочь поехать на море.

– Верунь, это же глупость – не поехать в пятизвёздочник со SPA-салонем на первой линии и с семидесятипроцентной скидкой. Прикинь?

Вера, сразу всё поняв, «прикинула» и дала отцу согласие на поездку.

– Мамулечка, ты не сердись, – попросила она, – мы всего на десять дней. Я так устала – сил нет... И море я обожаю. Мы поедem, да?

Катя с лёгкостью согласилась: не хватало еще, чтобы ребёнок страдал из-за проблем взрослых.

Обрадовавшись, Вера пошла собирать вещи. Она очень рассчитывала, что, оставшись одна, Катя передумает разводиться. «Ну что за бред? – рассуждала дочь, – ведь родичи с подросткового возраста вместе! Зачем всё рушить? Отец, безусловно, балбес ещё тот, но ему можно сделать последнее китайское предупреждение: или ты бросаешь свои забавы, или... В душе он трус, поймёт. Да и маму он любит, что говорить. Вон, когда у неё спина болела, встать не могла, на руках к врачам носил. И обеды готовил, и стирал... Много таких? Ни фиги!» – Вера с грустью сравнивала отца со своими сверстниками и глубоко вздыхала. В двадцать пять лет у неё не было ещё ни одного мало-мальски затяжного романа. Порой девушке казалось, что что-то с ней не так: в кругу девчат не нужно было постоянно сдерживать свои мысли, действия, намерения, а вот ребят её прямота отталкивала. Да и где найти настоящего мужчину? Вера сама умела и колесо поменять, и лампочку вкрутить, и деньги зарабатывать, поэтому знала, что жить с мужчиной из жалости, из-за желания быть зависимой, как Настя, или потому, что «время настало», она не смогла бы. Вот только кто распознал бы в этой сильной и решительной девушке хрупкую и нежную бабочку, которой тоже хотелось погреть крылышки на чьей-то груди? Но... как говаривал её отец: «Всё в жизни не так: то сиськи маленькие, то жопа холодная». И хотя изначальный смысл фразы имел однобокое значение, со временем она стала универсальной.

Накануне отъезда на море Иванов случайно встретился в подворотне дома с Уховым. Сосед был навеселе, но смотрел на друга хмуро:

– Море, блин? А я в этом году даже не нюхал. Всё какие-то делишки-зае.ишки...

– Так приезжай к нам, – пригласил Егор. Настроение было и у него не очень, но впереди маячила надежда на перемирие с Катей.

– А шо? И приеду. Ты где будешь? – Услышав название гостиницы, Анатолий взвыл – ему остановиться в такой давно было не по карману, – но Егор тут же успокоил:

– Да брось ты! Там в сентябре этих гостиниц – всяких пруд пруди. Приезжай! И Настю захвати, пусть тоже развеется. Вера мне говорила... совсем она... расклеилась? – Егора подбирал слова.

– Депрессия у неё, – Анатолий качнулся. Из длинных шорт арбузом торчал живот. Егор шаловливо нашёл край ремня и легонько дернул:

– А какое лучшее средство от депрессии?

Анатолию такая встряска не понравилась, и он отступил:

– Какое?

– «Море, Вася»... Так что давай!

Ухов пьяно обвёл взглядом двор. Некогда детский скверик с горкой и песочницей выглядел из подворотни гадюшником, заросшим высокими деревьями.

– Надо бы эти деревья все на хрен спилить... Как думаешь?

– Ладно, мне ещё нужно за водой в дорогу. Завтра выезжаем рано утром.

– За водой – это хорошо. Ты ещё и пивка набери, – посоветовал Ухов. – Мои водилы рассказывали, что на побережье всё дорого.

– Так ведь уже не сезон.

– И шо? Лучше набери! И коньячка. Там травануться – как два пальца... Ну, ты меня понял.

Почесав затылок, Егор подумал, что, пожалуй, сосед прав. Он вынул из кармана деньги.

– Добавить? – Анатолий предлагал деньги с легкостью, будто давал не свои.

– А у тебя есть?

– Держи! – Ухов вытащил пятитысячную купюру и вложил в ладонь Егора. – И бери лучше не армянский, а есть вон там такой... А-а, шо я тебе объясняю? Пошли вместе. Делов-то? Дом обогнуть...

С недавнего времени на углу дома между Казачьей и Сергиева открыли продуктовый супермаркет. Раньше там был ресторан, потом помещение стояло пустым. Бывший хозяин собирался обустроить в подвале квартиры и сделал такой подкоп, что стало кособочить не только пятый подъезд, но и асфальт в арке между ним и шестым.

– Гляди, Егор! Армяшек из ресторана погнали, а тут какой-то фраер из соседней республики строит. – Анатолий ткнул на возрастающий каркас строения на месте бывшей пиццерии. – Видел фундамент? Этажа три будет, не меньше. А может, вообще многоэтажку забабахают. Х...ли им? Полный абзац! Скоро я буду чудакам из этого дома со своего балкона давать прикуривать. Во беспредел! И как это тут строить разрешили?

– Значит, дал немало, – Егор осуждающе покачал головой. Проект здания и вправду, похоже, задумывался большой. Стоял он всего в пятнадцати-двадцати метрах от торца их дома и, если действительно речь шла о многоэтажке, стал бы загораживать свет жителям нижних этажей. – И опять без паркингов строят, – возмутился Иванов. Проблема парковок не решалась, и машины с улицы оставляли теперь даже в их дворе, куда, вообще-то, въезд перекрывал шлагбаум. – Что за власти у нас? Продаёшь ты землю – ну, молодец... Берёшь ты взятки – ну так кто их не берёт; уже всю страну коррупцией задушили. Но хотя бы чуть-чуть о людях подумали! Кто так строит? – ещё раз осудил Егор, уже выйдя из магазина.

– Кто так строит, так жить не будет – вот и вся философия. Ладно, не расстраивайся, – успокоил Ухов. У подъезда три набитых пакета перекочевали в две руки Егора. Жилы на его шее натянулись, лицо от напряжения покраснело.

– Точно сам донесёшь? – Анатолий даже не допускал мысли, что можно уронить такую ценность.

– Да не боись... Донесу. Ты вот только мне это... достань ключи в кармане и дверь «открывашкой» отопри, – попросил Иванов. Ухов засунул руку в шорты соседа и, в отместку, шаловливо даванул через ткань на нежное тело. Егор дёрнулся, но вяло: груз мешал. Анатолий хохотнул, вытащил наружу отмычку с электронным чипом, подождал, пока замок сработает, придержал дверь, пропуская Егора в подъезд. Ключи Иванов забрал под мышку во избежание новой шутки соседа.

– Слышь, Егорыч... А если я и Мари возьму – ничё? – спросил Ухов в глубину подъезда. Егор оглянулся от почтовых ящиков, поглядел, щурясь: горела только одна лампочка у лифта, а весь проход до него был тёмным. Жирное тело Анатолия загораживало проём в двери. Егору показалось, что Ухов улыбается – извинительно, как это делают попрошайки. Отчего-то стало жаль друга. Егор, как мог беззаботнее, пожал плечами.

– А чё «чё»? Ничё! Бери и Мари. Крестница как-никак. Девкам веселее будет.
На этом и расстались.

19

С сентября Миша ушёл к родителям. В квартире, где молодые прожили семь лет, необходимо было сделать ремонт, поставить кондиционеры, поменять бытовую технику. Близость курортного побережья поднимала цены в Южном до столичных, и квартиру вполне можно было сдать фирмам за приличные деньги. Настя заставила лоджию в спальне родителей коробками с вещами. Вытянув из них майки, джинсы, шлёпки, ночную рубашку и пижаму, остальное она оставила, не разбирая. Из одежды девушка меняла только нательное бельё. На улицу она почти не выходила. На упрёки матери, что надо следить за собой, не реагировала, постоянно жалуясь на боли в шее. Раиса мыла дочери голову, тёрла её в ванной мягкой варежкой, подстригала ей ногти, выщипывала брови и даже брила подмышки. Самостоятельно Настя ничего делать не хотела. Или не могла? Трудно было выяснить, где реальное сливается с надуманным. Вызванная как-то на дом невропатолог порекомендовала уложить девочку на щадящий курс в психиатрическую лечебницу. Раиса отказалась, изыскивая методы еще более щадящие. Предложение поехать на море оказалось в этой связи как никогда кстати.

– Настенька, ну что ж ты не хочешь?.. Там ведь Вера! – стала мать уговаривать старшую дочь. – Она такая хорошая девочка, такая смешная. Тебе всегда с ней хорошо. Вы с ней погуляете, воздухом подышите, покупаетесь...

– Холодно.

– Ничего не холодно! – заявил Анатолий, радуясь, что впервые за долгое время угодил супруге. Жуя кругляш полтавской колбасы на пороге женской спальни, он добавил: – Кстати, Иванов заказал себе номер в пятизвёзднике, а там есть бассейн с подогревом. И *малую* возьмём.

– Меня? У меня же школа... – девочка выглядела растерянной.

– Ты можешь взять и Мари?

Увидев, как в глазах жены закрутились какие-то шальные мысли, Ухов пьяно качнул головой.

– А шо?

Раиса подлетела к кровати со скоростью мысли, села рядом с Настей и стала ворковать так, что домочадцы замерли.

– Настенька, доченька, я тебя очень прошу: соглашайся! Вы в этом году на море не были. Всем нужен витамин D. Школа у Мари только началась. Программа несложная – догонишь...

– Мать оглянулась на младшую дочь с убеждающей улыбкой. Добившись от неё кивка, Раиса стала гладить Насте ноги, уговаривая: – А на море сейчас бархатный сезон. Эх, меня бы кто пригласил! – женщина мечтательно посмотрела на потолок.

Анатолий стал трезветь:

– А шо тебя приглашать? Собирайся и поедем. Иванов сказал, там всяких отелей полно. – Кухаханье жены вызвало подозрение. Что это она так всех их спроваживает?

– Да я бы с удовольствием! – воскликнула женщина. – Но ты же видел: я начала картину. Сюзик обещает помочь выставиться, – она сосредоточилась на массаже ног Насти, пряча взгляд, успевший налиться неприязнью: «Не хватало ещё мне отдыхать в каком-то сраном мотеле!».

– Сюзик?

– Ну, то есть, её Кирилл. Он ведь всё может... Поезжайте, прошу тебя. Ты же должен понимать, как для меня важно побыть хотя бы три дня одной.

– А я еду только на два.

– Ну, два... – Раиса нажала так сильно, что Настя вскрикнула. Извинившись, мать поднялась навстречу мужу: – Анатолий, мне даже два вечера хватит, чтобы написать фон. А потом

останутся доработки. К декабрю картину нужно завершить. – Она стояла перед мужем стройная, красивая, всё ещё желанная. В глазах Ухова заблестел огонь.

– Тю! К декабрю можно ещё пять таких намалевать. – Через плечо жены он кинул взгляд на картину, мольберт с которой стоял на лоджии, – там пестрили непонятные ему разводы, – и тут же вернулся к тёмно-зелёным, почти чёрным при свете лампы, глазам супруги. Так хотелось, чтобы она согласилась поехать. На мгновение Ухов представил, как это могло бы быть: море, тепло и они в комнате вдвоём... Но Раиса поджала губы:

– Много ты понимаешь! Для тебя всё, что я делаю, никакого значения не имеет. Если бы ты ценил мои творческие способности...

В этот миг Настя повернула голову к сестре и произнесла ласковым голосом:

– А правда, Маша, поедem на море! Мы ведь ни разу не были там с тобой вместе.

С рождения сестры её не брали на отдых – то из-за тенниса, то потому, что она уже была на море со школьным лагерем, то не было денег. Мари широко улыбнулась и отставила айпад:

– Настя, я тебя так люблю! – она прошла к кровати и прижалась к сестре. Девичьи глаза наполнились слезами. Анатолий, не понимая этой плаксивости, пожал плечами и пошёл на кухню, где грелся в сковороде плов.

Уховы приехали на курорт как раз вовремя: первая эйфория от моря у Иванова уже прошла, кебабов в прибрежных ресторанчиках он наелся по самое не могу, а просто гулять по набережной, как любила и предлагала Вера, было тошно. Сразу решили, что люксовый номер оставят девушкам: кроме двух добротных кроватей, в нём была кушетка для Мари, а отцы снимут себе комнату поблизости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.